

★ Максим БУЗИН ★

ПАРАШЮТИСТЫ-ДИВЕРСАНТЫ СТАЛИНА

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Максим Бузин

**Парашютисты-диверсанты
Сталина. Прорыв разведчиков**

«Махров»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бузин М. Л.

Парашютисты-диверсанты Сталина. Прорыв разведчиков /
М. Л. Бузин — «Махров», — (Война. Штрафбат. Они сражались
за Родину)

ISBN 978-5-699-91923-9

Август 1941 года. В глубокий немецкий тыл заброшена разведгруппа наших парашютистов-диверсантов с заданием захватить новейший американский бомбовый прицел «Норден», установленный на экспериментальном бомбардировщике «Летающая крепость», который был подбит над Берлином, совершил вынужденную посадку и попал к спецам Люфтваффе. Хватит ли у разведчиков сил и жизней, чтобы с боем прорваться на сверхсекретный объект «Икс», охраняемый не хуже ставки Гитлера? Смогут ли диверсанты уйти от погони на трофейном бронев автомобиле? Как разведгруппе вернуться к своим из глубокого немецкого тыла? Угнав с вражеского аэродрома бомбардировщик «дорнье» и отбившись от поднятых на перехват «мессершмиттов»! Когда на кону не только их жизни, но и судьба войны — разведчики идут ва-банк!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91923-9

© Бузин М. Л.
© Махров

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Бужин
Парашютисты-диверсанты
Сталина. Прорыв разведчиков

© Бужин М.Л., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Это был обычный вечер в конце сентября 1940 года. Уже несколько дней, как на смену теплому и солнечному бабьему лету пришли проливные дожди, сопровождавшиеся сильным порывистым ветром, – первые вестники наступившей осени.

Закончился очередной рабочий день. Жители Берлина возвращались домой. Те, кто жил неподалеку от места работы, шли пешком, прикрываясь от низвергающихся с небес потоков воды рвущимися из рук зонтами, и отчаянно завидовали пассажирам следовавших по своим маршрутам переполненных людьми трамваев. А те, прильнув в праздном любопытстве к покрытым каплями дождя запотевшим окнам, в свою очередь испытывали некоторую досаду от того, что по тем или иным причинам они вынуждены пользоваться буквально впитавшими в себя всю сырость и промозглость серых неприветливых улиц и поэтому ставшими такими неуютными вагонами. И молча завидовали тем счастливицам, кто в данную минуту под мерный стук колес проносился где-то под землей в ярко освещенных составах берлинского метро.

Зашедший в вагон на одной из остановок широкоплечий человек плотного телосложения, одетый в серую шляпу и такого же цвета плащ, ничем не выделялся среди других пассажиров трамвая, следовавшего в сторону Александерплатц.

С трудом протиснувшись сквозь плотно стоявших в салоне людей, он ухватился за поручень и отсутствующим взглядом уставился в мутное от повышенной влажности и человеческого дыхания окно. Периодически получая толчки в спину отдвигающихся к выходу и обратно пассажиров, он, как истинный берлинец, привыкший к подобным неудобствам, оставался невозмутимым. Даже когда ему сильно наступили на ногу, невыразительное от природы лицо сохранило свое спокойное и расслабленное выражение.

– Простите, – пробормотал за его спиной тихий мужской голос, очевидно принадлежавший виновнику данного инцидента, – я не нарочно! У меня просто плохое зрение!

У человека с невыразительным лицом не дрогнул ни один мускул. Только слегка дернулась и приподнялась вверх правая бровь. Он ничего не сказал в ответ и даже не обернулся, словно прозвучавшие только что в качестве извинений слова относились не к нему. На самом же деле он прекрасно знал этот тихий голос и его обладателя! А последняя фраза про плохое зрение была сказана не для того, чтобы объяснить причину собственной неловкости, а напротив, являлась ключевой в этом кратком монологе и означала серьезную и близкую опасность, грозящую человеку, ее произнесшему!

Тем временем трамвай, почти не сбавляя скорости, повернул направо. Неловкий пассажир, испытывавший, по его собственным словам, проблемы со зрением, подтверждением чему служили большие круглые очки, закрывавшие добрую половину его лица, продвигаясь к выходу из вагона, не удержал равновесия и на какую-то секунду всем телом прижался к разом напрягшейся спине «невозмутимого». И тот почувствовал, как некий предмет буквально впилился в глубокий карман его плаща!

Раздался звук тормозов, и трамвай остановился возле входа на станцию метро. Пассажиры густым потоком ринулись наружу, создав на короткое время иллюзию полупустого вагона. Оставшиеся в салоне стали занимать освободившиеся места.

Человек в сером плаще тоже двинулся к пустому сиденью, но садиться не стал, а любезно предложил занять его молодой женщине с большой сумкой, как раз поднимающейся по ступенькам в трамвай. Сам он остался стоять в проходе все с тем же спокойным и отсутствующим видом. При этом незаметно для окружающих наблюдая за людьми, покинувшими вагон на остановке.

Его внимание сразу привлекли фигуры трех человек в одинаковых черных плащах. Несмотря на плохую видимость, он все же разглядел, как двое из них, ввинтившись в толпу,

быстро и сноровисто взяли под руки худощавого мужчину в нелепых круглых очках. Шедшие вокруг него люди, подобно волнам, разрезаемым носом идущего на всех парах по морю корабля, отпрянули в стороны. Третий «черный плащ» с пистолетом в руке расположился метрах в пяти перед задержанным, перекрывая собой вход на станцию метро. Тотчас раздались скрип тормозов, и впритирку с тротуаром остановилась легковая машина. К ней и повели мгновенно поникшего и казавшегося совершенно подавленным человека в очках. Из автомобиля появились двое, как близнецы похожие одеждой на вышеупомянутую троицу, и замерли под дождем, засунув руки в карманы своих плащей.

– Гестапо! – с ненавистью прошептал «невозмутимый», и в его глазах промелькнула молния, впрочем сразу исчезнувшая.

Большинство людей, как столпившихся на тротуаре, так и находившихся в вагоне, с любопытством, присущим обывателям, глазели на события, разворачивавшиеся перед ними.

– Смотри! – толкнул в бок человека в сером плаще оказавшийся с ним рядом здоровенный толстый детина с маленькими, заплывшими жирком глазами. – Этот хлюпик сейчас лишится чувств!

Действительно, гестаповцы, уверенно ведущие арестованного к машине, вдруг резко остановились. Причиной послужило то, что ноги задержанного внезапно подкосились. Он весь обмяк и повис на руках своих конвоиров. При этом его большие очки плавно сползли на кончик носа и, не удержавшись на нем, упали на мокрый асфальт.

– Эй ты, скотина! – дернул его за плечо один из гестаповцев, презрительно оттопырив нижнюю губу. – Умирать, что ли собрался, дистрофик?

Второй, услышав, как «уважительно» его товарищ обращается к задержанному, разжал обе руки, поддерживавшие безвольное тело. Звучно хлопнув ими себя по бедрам, он громко засмеялся, согнувшись почти пополам и едва не уронив при этом с головы шляпу.

Но в следующую секунду веселый смех внезапно оборвался и сменился хриплым булькающим звуком, вырвавшимся из горла медленно оседавшего на землю гестаповца. Это «дистрофик» свободной рукой нанес ему молниеносный удар точно в область гортани, буквально раздробив ребром ладони кадык. Затем, напряжив ноги и используя в качестве опоры руку второго конвоира, он волчком раскрутился на месте, сделав тому резкую подсечку. Ничего не успевший понять фашист как подкошенный рухнул на асфальт с глухим звуком, сопровождавшимся противным хрустом, ударился затылком о бордюрный камень и замер без движения, неестественно подогнув под себя левую руку.

Все произошло настолько стремительно, что никто толком не смог еще ничего понять, а вырвавшийся на свободу худощавый человек уже мчался по улице, словно стрела, выпущенная из арбалета. Буквально в пятидесяти шагах впереди по правой стороне от дороги был широкий проход между домами, куда беглец собирался свернуть и скрыться от преследователей во дворах и извилистых переулках.

Ему удалось преодолеть не меньше двадцати метров, когда вдогонку раздались выстрелы. Двое оставшихся у машины гестаповцев бежали следом за ним, бегло и неточно стреляя. Третий, находившийся возле входа на станцию метро, тоже сначала устремился в погоню. Но будучи, по-видимому, самым опытным среди всех, он почти сразу понял, что бессмысленно тягаться в скорости с беглецом. Остановившись, он быстро опустился на правое колено, вытянув вперед для равновесия левую ногу. Обхватив обеими руками рукоятку пистолета, гестаповец пять раз подряд нажал на курок, целясь в спину убегающему человеку. Тот, получив две пули в область печени и не добежав каких-то десяти шагов до спасительного поворота, как подкошенный рухнул на землю.

Но, когда запыхавшиеся преследователи подбежали к распростертому на мостовой телу беглец, несмотря на смертельные ранения, был еще жив. Он лежал на спине, сложив руки вместе на груди, и тихо стонал. Один фашист, грубо выругавшись, сильно ударил истекающего

кровью человека ногой в бок. Тот глухо вскрикнул, открыл глаза и обвел стоявших над ним гестаповцев медленным, но все еще ясным взглядом. Узнав своих врагов, он не стал тратить последние силы на страшные проклятия в их адрес, а неожиданно для них улыбнулся и опустил руки на землю, с последним вздохом разжав ставшие уже бесчувственными пальцы. На указательном пальце левой руки тускло блеснуло металлическое кольцо с отходившими от него двумя короткими проволочными усами.

– Он издевается над нами, мерзавец! – увидев застывшую улыбку на обескровленном лице, взвизгнул ничего более не подозревавший гестаповец и в бессильной ярости занес над уже мертвым телом ногу для удара.

Это были последние слова и движения в его жизни. Граната с радиусом сплошного поражения осколками до двадцати метров, выскользнув из раскрытой безжизненной ладони, откатилась немного в сторону и на короткое мгновение замерла, словно наслаждаясь своей неожиданно обретенной свободой. Затем раздался глухой хлопок. Место, где только что стояли гестаповцы, заволокло едким дымом. Когда он рассеялся, то на земле вместо одного лежали уже три бездыханных тела.

На короткое время воцарилась почти полная тишина, вскоре, однако, сменившаяся все нарастающим гулом. Это праздные зеваки и прочие любопытные, наблюдавшие, как зрители в театре, то есть со стороны, за разыгравшейся на их глазах кровавой драмой, увидев, что беглец погиб и продолжения не будет, начали расходиться. Все снова заспешили по своим делам.

– Прощай, Владислав! – почти не разжимая губ, глухо произнес по-русски человек в сером плаще, выходя на улицу из еще стоявшего на остановке трамвая.

С каменным лицом, не ускоряя шага и не глядя по сторонам, он под внезапно усилившимся проливным дождем пересек расстояние, отделявшее его от входа на станцию метро, и, смешавшись с толпой, исчез в бурлящем людском водовороте.

* * *

Начальник одного из отделов службы советской военной разведки полковник Сазонов, коротко постучавшись, открыл дверь в кабинет своего непосредственного начальника и старого друга генерал-майора Серегина.

– Разрешите, Степан Сергеевич! – Голос обычно сдержанного полковника звучал на удивление возбужденно.

– Входи, Николай Петрович, входи! – приветливо ответил Серегин, выйдя из-за стола и с улыбкой пожимая товарищу руку. – Чаю будешь?

– Спасибо, товарищ генерал, но боюсь, что чаепитие придется отложить! – Бледно-голубые глаза полковника впились в лицо Серегина. – Только что получено срочное донесение от Дирижера!

– Садись и докладывай! – разом посерьезнев, сказал генерал, показывая рукой на массивный деревянный стул, стоявший справа от стола.

Полковник опустил на предложенный стул и бесцветным голосом сказал:

– Дирижер сообщает, что погиб Циркач! Он чувствовал слезку со стороны гестапо и перед своей гибелью успел передать Инженеру портсигар с чрезвычайно ценными разведанными, касающимися дислоцированных на территории Польши гитлеровских частей и подразделений. Эту информацию Дирижер передаст при следующем сеансе связи.

Сазонов замолчал. Атмосфера в кабинете сгустилась и стала тяжелой.

– Светлая память Владиславу! – глухо произнес генерал, вставая.

Сазонов последовал его примеру. Так они и стояли в полном молчании, эти уже немолодые люди, скорбно склонив убитые сединами головы.

Полковник, несмотря на субординацию, первым нарушил молчание.

– Степан Сергеевич, это еще не все сведения, полученные от Дирижера!

– Вот как! – Генерал тряхнул головой, отгоняя от себя тягостные мысли, и вопросительно посмотрел на собеседника.

– В переданном Владиславом портсигаре также находился компромат на одно важное по нацистским меркам лицо, приближенное к Гитлеру. Это профессор Адольф Гранке – ученый, вплотную занимающийся разработками в области ракетостроения, а по совместительству еще и оккультными исследованиями. Он состоит в руководстве организации Аненербе и является личным другом фюрера!

– Хорошо, Николай Петрович! Когда от Дирижера поступит компромат на этого Гранке, то подумай, как мы сможем его использовать. А всю добытую Владиславом информацию по немецким войскам в Польше сразу после ее получения и расшифровки немедленно мне на стол! Ты ведь знаешь, какая ситуация на наших западных границах!

– Так точно, Степан Сергеевич! – кивнув головой, четко ответил Сазонов, но глаза его были грустными и какими-то опустошенными.

Когда полковник вышел, генерал тяжело вздохнул и, подперев кулаком слегка наклоненную голову, устремил задумчивый взгляд на окрашенную свежей зеленой краской стену своего кабинета.

Глубоко законспирированная группа советских разведчиков, много лет действовавшая на территории Германии, была его детищем. Именно ему, тогда еще полковнику Серегину, в начале тридцатых годов пришла в голову мысль внедрить в структуры Вермахта и Абвера своих сотрудников, но не использовать их сразу, а «законсервировать» на продолжительное время. Говоря по-простому, дать людям возможность без лишнего риска вжиться в свои новые образы, постепенно освоиться и, что называется, заматереть. И такая дальновидная стратегия через несколько лет стала приносить весьма и весьма ощутимые результаты! Информация, поступающая от группы Дирижера, почти всегда была чрезвычайно ценной и, что самое важное, никогда не нуждалась в дополнительной проверке! Троица разведчиков работало четко и надежно, словно прекрасно отлаженный часовой механизм.

И вдруг, как гром среди ясного неба, известие о гибели Владислава! Степан Сергеевич, наверное, в сотый раз прокручивал в голове эти трагические слова, произнесенные полковником Сазоновым, понимал, что самое страшное уже произошло, но все равно не хотел этому верить!..

Наступила ночь. Терзаемый внутренними противоречиями, генерал усилием воли все же заставил себя переключиться с погибшего на живых. Ему было необходимо очень многое обдумать. И в первую очередь надо было скорректировать направление и тактику работы группы, учитывая тот скорбный, но непреложный факт, что разведчиков теперь осталось только двое...

Глава 2

Барон Отто фон Камп происходил из семьи потомственных военных. Его дед и отец, будучи офицерами, участвовали во многих кампаниях.

Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Карл, дед Отто, дрался в составе баварской бригады в битве под Седаном и был дважды ранен. Это сражение стало поворотным моментом в его судьбе.

Провалявшись три месяца по госпиталям, Карл вышел в отставку и вернулся в родовой замок под Мюнхеном. Человек по натуре веселый и общительный, он, уединившись в замке, впал в глубокую депрессию. Говоря проще, стал сильно пить. Слишком давили на психику воспоминания о недавних кровавых событиях. Днем тягостные мысли не покидали его голову, а по ночам в снах приходили жуткие видения, призраки прошлого.

Два года Карл все глубже и глубже погружался в трясину алкоголизма и чувствовал, что постепенно сходит с ума. Его сознание было будто в густом тумане. Навязчивые видения полностью окутали мозг тяжелой завесой. Алкоголь, вначале избавлявший от головных болей и отодвигавший на некоторое расстояние депрессию, постепенно помогать перестал. После возлияний становилось только хуже. Бравый боевой офицер превратился в опухшее существо с мутными глазами и тяжелой шаркающей походкой. Исцеление и спасение пришли неожиданно.

Однажды днем в начале лета, находясь в ставшем для него уже привычным вечно пьяном состоянии, Карл блуждал по парку возле замка и, сбившись с тропинки, постепенно углубился в лес. Не разбирая дороги, он брел сквозь чащу и овраги. Неожиданно его слух уловил какие-то звуки, будто плач. Оглядевшись, Карл осознал, что находится возле болота. У самого края трясины бегала и скулила волчица. А в мутной воде из последних сил барахтался волчонок, и мать ничем не могла ему помочь.

Как будто неведомая сила толкнула человека в гиблую трясину. Карл по пояс в воде подобрался к маленькому зверю, поднял его вверх и с силой швырнул на берег. Волчонок, оказавшись на твердой земле, радостно затавкал и завертел хвостом перед подскочившей к нему счастливой матерью.

Увидев эту картину, Карл впервые за неопределенное количество дней ощутил душевное спокойствие и непередаваемую легкость. Сознание прояснилось, тело стало наливаясь силой. Будто постепенно отваливалась тяжелая короста.

Карл ухватился за росшую в воде молодую березу и начал выбираться на сушу. Это было нелегко. Трясина неумолимо тянула к себе. Она не хотела отпускать человека, вырвавшего у нее предыдущую жертву. Очень медленно и тяжело, держась за тонкое деревце, он продвигался к спасительному берегу. Оставалось меньше метра до твердой земли. Так мало и одновременно так много!

И вдруг из-за кустов выбежала волчица с палкой в зубах! Погрузив передние лапы в воду, она на сколько могла вытянула вперед шею и ткнула Карла палкой в щеку. Эта нежданная помощь так потрясла человека, что он на секунды опешил. Посмотрев в глаза волчицы, он увидел, а скорее, почувствовал в них сострадание и готовность к самопожертвованию ради спасителя ее детеныша.

Пелена, окутывавшая мозг, резко исчезла. Карл зарычал, как дикий зверь, и мощным рывком выбрался на берег. Прерывисто дыша, он присел на корточки и пристально посмотрел на лесного хищника. И случилось невероятное! Волчица подошла к человеку, понюхала его лицо и улеглась рядом!

Вечером они втроем вышли на опушку леса. Благодарные звери провожали своего спасителя. Наконец, потершись носом об руку человека, волчица повернула обратно в лес и вскоре вместе с детенышем исчезла в сгущавшихся сумерках. Больше Карл их не видел.

Как больше не видел и тяжелых ночных снов-кошмаров. Человек вновь стал Человеком. Через пять лет он, вопреки условностям, женился на простой крестьянке. Вскоре у них родился сын. Карл занялся ремонтом замка и одновременно собирал домашнюю библиотеку. Вечерами он писал книгу воспоминаний, где описывал свою жизнь, анализируя поступки, ощущения, искал взаимосвязь между историческими событиями и конкретной личностью.

Годы пролетали как быстрокрылые птицы. Наступил двадцатый век. Карл закончил свой многолетний аналитический труд, а на следующее утро узнал, что его сын стал отцом. Посчитав это знаменем свыше, он посвятил книгу своему внуку.

* * *

Отто был умным и любознательным ребенком. Он любил природу, занимался спортом, прилежно учился, изучал иностранные языки и много читал. Шиллер, Гете, Дюма, Стивенсон, Марк Твен – вот далеко не полный список авторов прочитанных им книг. В подростковом возрасте он изучал труды Плутарха, Конфуция, Бисмарка. А самой любимой книгой для него стали воспоминания деда, перечитанные много раз, как говорится, от корки до корки.

Вместе они часто гуляли по парку и разговаривали на самые разные темы. Но никогда не обсуждали сражения, в которых участвовал Карл фон Камп. И вот однажды Отто попросил:

– Дед, а расскажи про свой последний бой.

– Что конкретно, внучек, ты хочешь узнать? – мягко спросил Карл, но его широкое добродушное лицо вдруг словно окаменело, а зрачки глаз стали похожи на взгляд тигра перед прыжком.

– Как тебя ранили? Тебе было страшно?

– Я получил приказ и повел в атаку свой отряд. Знаешь, обычно перед боем испытываешь определенное беспокойство. У меня, например, ноги становятся словно ватные и не хотят двигаться. Только никому об этом не говори, ладно? Но я офицер и должен вести за собой солдат. Поэтому преодолеваешь свой страх, поднимаешься и вперед! А в тот раз никакого волнения не было. Наоборот, я ощущал какое-то необъяснимое спокойствие, умиротворение, что ли. Как будто не в меня целились десятки ружей. Мы совершили рывок, почти достигли вражеских укреплений, и тут словно неведомая сила развернула и опрокинула меня. За доли секунды я смог увидеть достаточно много: край яркого желтого солнца выглядывал из-за свинцовых облаков, со стороны нашего лагеря скакал отряд кавалерии, земная поверхность под непонятным углом стремительно неслась мне навстречу. Больше ничего не помню. Очнулся уже в тылу в госпитале. Одна из двух вражеских пуль что-то в плече серьезно повредила. Пришлось поваляться на больничной койке. После выздоровления я вышел в отставку и уехал в наш замок. Вот, собственно, и весь рассказ.

– Понятно, – проговорил задумчиво Отто.

Он не решался задать деду еще один важный вопрос. Но тот словно прочитал его мысли.

– Наверное, ты хочешь спросить, почему я ушел с военной службы? Отвечу коротко. Я устал от крови, потерял веру в то, что делал. Наступила тупая бессмысленная пустота. И я ушел...

Некоторое время они шли молча. На выходе из парка Карл остановился, положил руку на плечо Отто и сказал:

– Ты вырастешь, станешь офицером. Так всегда было в нашей семье. Как офицер, пусть и бывший, я не должен говорить то, что скажу сейчас. Ты будешь выполнять приказы командования. Так вот, постарайся не стать исполнителем бездумных, безумных, а зачастую и преступных распоряжений. Помни о долге, но помни и о чести. И всегда старайся поступать по совести.

Сказав последнюю фразу, Карл вздохнул и неожиданно улыбнулся:

– Пойдем домой, обедать пора...

* * *

...Прошли годы. После окончания Берлинского университета Отто, следуя семейной традиции, поступил в летную школу и стал военным летчиком.

К власти в Германии уже пришел Гитлер, и страна вступила в эпоху фашизма. Шли повсеместные преследования евреев и инакомыслящих. Под восторженный рев обезумевшей толпы на кострах сжигались книги выдающихся писателей. Немцы были провозглашены высшей расой. Все остальные считались недочеловеками. Бесноватый фюрер умело играл на чувствах немцев, считавших себя ущемленными после поражения в Первой мировой войне. Строились военные заводы и фабрики, тем самым создавались рабочие места и значительно сокращалась безработица. Нарушив условия Версальского мирного договора 1918 г., Германия быстрыми темпами наращивала свою военную мощь. Дело шло к войне. И она началась 1 сентября 1939 года.

В ту пору Отто служил в качестве летчика-инструктора и «натаскивал» молодых пилотов. Будучи умным и всесторонне развитым человеком, он пристально следил за развитием ситуации в стране. И не мог обрести душевный покой. С одной стороны, офицер должен беспрекословно выполнять приказы командования. Это не подлежит сомнению. С другой стороны, развернувшийся геноцид евреев, цыган, интеллигенции повергал его в ужас. Он понимал, что идеи мирового господства арийской расы ни к чему хорошему не приведут. Примером тому служили судьбы империи Александра Македонского и Древнего Рима, исчезнувших в глубине веков. Но открыто выразить свое мнение он не мог. Его голос не был бы услышан, зато это был кратчайший путь в концентрационный лагерь. И Отто принял для себя компромиссное решение. Он офицер и будет выполнять свой долг, при этом оставляя за собою право советоваться с собственной совестью.

* * *

22 июня 1941 года фашистская Германия, нарушив договор о ненападении, внезапно и без объявления войны напала на Советский Союз. Выполняя разработанный ранее план «Барбаросса», германские войска по трем стратегическим направлениям продвигались в глубь территории СССР. Несмотря на ожесточенное сопротивление, Красная Армия отступала. Линия фронта перемещалась все дальше на восток.

В кинотеатрах немецких городов без устали показывали победные кадры военной кинохроники. Голос диктора сообщал об успехах на Восточном фронте. И фюрер, и его генералы, и большинство немцев считали, что война уже выиграна. Кафе и рестораны по вечерам были переполнены веселящимися посетителями. Война казалась им чем-то очень далеким и несерьезным.

Столицу Берлин ночью немцы не затемняли. А зачем? Город окружало плотное кольцо зенитных орудий и пулеметов. В небе висели аэростаты с сетями. Лучи мощных прожекторов светили на высоту до шести километров. На ближайших к городу аэродромах располагались эскадрильи ночных истребителей. Английские самолеты налетали крайне редко и под мощным заградительным огнем зениток сбрасывали бомбы в чистое поле. А у русских, как считалось, вся авиация уничтожена.

И вдруг ночью 8 августа в городе начали рваться десятки тяжелых бомб. Это советские дальние бомбардировщики ДБ-3, преодолев 900 км, внезапно появились над Берлином. Посты наблюдения ПВО посчитали самолеты своими и приветливо предложили приземлиться на ближайшем аэродроме. В ответ сверху на город густо посыпались бомбы. Зенитчики, как люди

военные и дисциплинированные, пришли в себя довольно быстро. Батареи открыли плотный беглый огонь, но уже по пустому ночному небу. Русские самолеты отбомбились без потерь и на высоте семи километров летели домой.

Гитлер был в бешенстве, Генеральный штаб в оцепенении, а советские самолеты продолжали вновь и вновь успешно бомбить Берлин. На защиту столицы Люфтваффе срочно перебросило несколько дополнительных эскадрилий истребителей «Мессершмитт-109». Командиром одной был назначен Отто фон Камп...

* * *

...В августе 1941 года Отто имел звание обер-лейтенанта Люфтваффе, а за его плечами было участие в двух кампаниях. В мае-июне 1940 года он участвовал в воздушных боях над Францией, которые большинство его сослуживцев считали легкой прогулкой.

Дело в том, что французские истребители «Моран-Сольнье MS-406» и «Девуатин D.510» значительно уступали по своим характеристикам немецким «Мессершмиттам». Никакое мужество французских пилотов не могло противостоять воздушной мощи Люфтваффе. Легкие победы опьянили немецких летчиков, и многие из них стали считать себя непобедимыми.

Но уже в июле после начала воздушной операции против Англии наступило довольно серьезное похмелье. Британские «Спитфайры» и «Харрикейны» (особенно первые) почти не уступали немецким самолетам в скорости, а в маневренности даже и превосходили. Радиолокационные станции Соединенного Королевства заблаговременно сообщали о приближении вражеских самолетов. Это позволяло концентрировать на опасных направлениях значительные силы противовоздушной обороны и истребительной авиации.

Авиагруппа, в которой служил Отто, прикрывала атаки бомбардировщиков на морские базы и аэродромы и за неполные два месяца потеряла половину самолетов и почти треть личного состава. 25 августа 1940 года эскадрилья бомбардировщиков «Дорнье» и звено «Мессершмиттов» сопровождения были атакованы над южным побережьем Англии внезапно выскочившими из-за облаков двумя группами «Спитфайров». В завязавшейся воздушной карусели истребитель Отто фон Кампа был серьезно поврежден и вышел из боя. Каким-то чудом перелетев Ла-Манш, Отто дотянул до своего аэродрома и смог посадить изрешеченную машину. Из четверых вылетевших на задание летчиков-истребителей в живых остался только он один.

Через неделю Отто был направлен для дальнейшего прохождения службы в авиационную группу, дислоцированную недалеко от Дрездена, где прослужил почти год, а затем был срочно переведен на аэродром Волленберг под Берлином.

Глава 3

Первые двое суток службы на новом месте для обер-лейтенанта фон Кампа прошли спокойно. А на третью ночь, внезапно разорвав тишину, истошно завывли сирены воздушной тревоги. По небу суматошно зашарили лучи прожекторов и вскоре сошлись в одной точке.

На большой высоте в направлении Берлина летел огромный самолет! Четырехмоторный, с изящным фюзеляжем и тонкими крыльями.

Но поднятым по тревоге пилотам Люфтваффе было не до рассуждений и аналогий – через шесть минут после получения приказа на взлет четверка истребителей под командованием Отто фон Кампа была уже в воздухе. Набрав высоту, самолеты разделились на пары. Отто вместе с ведомым зашли на «неопознанный объект» сверху.

Большой самолет серо-стального цвета имел вытянутый фюзеляж, хвостовое оперение с большим вертикальным килем. Ни светящихся иллюминаторов, ни зажженных аэронавигационных огней не наблюдалось. Зато в свете зенитных прожекторов четко и рельефно выделялись на борту и вертикальном киле косые кресты (или буквы «X»), вписанные в круг. Рядом были нанесены какие-то мелкие цифры.

Вторая пара пилотов производила облет объекта сбоку с целью визуального изучения и контроля. Отсутствие «нормальных» опознавательных знаков заставило призадуматься как летчиков, так и зенитчиков. Что это – новый самолет, секретное оружие фюрера? Никаких приказов и распоряжений от вышестоящего командования на этот счет не поступало. Но после советских бомбардировок нервы у всех были на пределе, и командование приняло решение сбить неизвестный самолет, пока он не добрался до столицы. Но отдать приказ пилотам истребителей не успели...

Из хвостовой части фюзеляжа огромного самолета вдруг брызнуло огнем. Оранжевый трассер пронзил ночное небо и уперся в один из истребителей. Самолет мгновенно вспыхнул и взорвался, разлетевшись на куски. Через несколько секунд такая же участь постигла второй истребитель. Все произошло настолько стремительно, что всем наблюдателям потребовалось некоторое время на осмысление случившегося.

Отто фон Камп среагировал почти мгновенно. Отбросив возникшие сомнения по поводу принадлежности неизвестного летательного аппарата, Отто сделал «горку» и, завалившись на крыло, ввел самолет в пике, открыв огонь из двух 20-миллиметровых пушек, целясь прямо в крест на борту нарушителя. Вроде бы попал, но снаряды не причинили цели видимых повреждений. Бомбардировщик (теперь уже всем стало понятно, что это именно огромная боевая машина) продолжал лететь прежним курсом.

Выходя из пике, Отто краем глаза увидел, что самолет ведомого вспыхнул ярким факелом – и его тоже достали бортовые стрелки бомбардировщика. И тут небо вокруг объекта покрылось разрывами! Это открыли огонь зенитки – у кого-то внизу не выдержали нервы, ведь рядом с противником были и свои самолеты. Несколько осколков пробиты крыло «Мессершмитта», которое тут же отвалилось от фюзеляжа. Самолет резко клюнул носом и свалился в неуправляемый штопор.

Летчик открыл остекление кабины и, вывалившись из подбитой машины, дернул кольцо. Резкий хлопок открывшегося парашюта и рывок лямок вверх произошли почти одновременно. Отто фон Камп целый и невредимый спускался на землю немного в стороне от места боя, и вся картина была ему видна как на ладони.

Бомбардировщик сыпанул бомбы на позиции зенитчиков и аэродром. Все на земле горело и взрывалось. Некоторые пилоты пытались поднять самолеты в воздух и покинуть зону поражения. Вот один истребитель на взлете не смог набрать высоты и врезался в водонапорную

башню. Уже в воздухе столкнулись транспортный самолет и бомбардировщик, моментально превратившись в яркий огненный клубок.

Смерч пламени бушевал на земле, уничтожая все на своем пути. Разгрузившись, бомбардировщик начал разворот, но тут, видимо, повезло кому-то из зенитчиков – один из снарядов рванул совсем рядом с правой консолью. Оба стоящих на ней двигателя вспыхнули одновременно. Воздушный корабль вошел в плоский штопор и начал терять высоту, наматывая по небу огромные круги.

Ускорила его медленное падение замаскированная в перелеске и до сих пор не участвовавшая в бою зенитная батарея – когда бомбардировщик пролетал в секторе ее обстрела, она дала залп. Один снаряд попал точно в хвост. Неизвестный аппарат переломился пополам и на мгновение словно завис в воздухе. Затем, повинаясь законам тяготения, передняя часть фюзеляжа отвесно понеслась к земле. Раздался треск сломанных деревьев, потом глухой удар. Вверх поднялось облако земли и песка, но взрыва почему-то не последовало.

А зенитчики продолжали остервенело палить по опустевшему небу, выпуская снаряд за снарядом. Как впоследствии рассказывал командир батареи, людей будто заклинило. Они не воспринимали команды, крики и даже откровенное рукоприкладство со стороны начальства. И только когда кончился боезапас, стрельба прекратилась.

Весь ночной бой продолжался всего несколько минут. Но последствия были ужасающими! Десятки самолетов догорали на земле, ангары, казармы и большинство других зданий превратились в груды искореженных обломков. Об уничтоженных зенитках напоминали только воронки шириной в несколько метров. Как выяснилось позднее, безвозвратные потери составили семьдесят два человека погибшими. Около сотни тел найти так и не удалось...

Глава 4

Наступившее утро в окрестностях аэродрома Волленберг выдалось спокойным и солнечным. Неторопливо щебетали птицы. Над покрытой росой травой стелился легкий туман. Едва заметный ветерок ласково качал верхушки деревьев. Природа будто сама себя успокаивала после пережитого ночью потрясения.

С людьми было сложнее. Оставшиеся в живых пребывали в каком-то тупом ступоре. Кто-то бессмысленно шатался по территории, иные собирались в небольшие группы и молча глядели на еще дымящиеся обломки и руины. Наиболее «стойкие» засели в березняке возле нескольких уцелевших орудий и, наплевав на устав и дисциплину, глушили шнапс.

Комендант аэродрома, который еще вчера за подобное деяние отправил бы всех без разбора сразу на гауптвахту, казалось, ничего не замечал. Он сидел на ступеньках штаба, а точнее, на ступеньках развалин штаба и смотрел невидящим взглядом перед собой. Кто-то из офицеров обратился к нему с вопросом, но ответа не получил. Комендант превратился в статую. Теперь это был просто усталый пожилой человек с поникшими плечами.

Такую вот картину наблюдал Отто фон Камп, удобно расположившийся на заросшем густой травой пригорке. Он сидел, вытянув ноги и опершись спиной о ствол одинокой березы, половина верхушки которой была накрыта куполом его парашюта.

Во время ночного приземления он был полностью поглощен созерцанием боя и испытывал чувство нереальности происходящего. К действительности его вернула жесткая посадка на крону дерева. Ломая с треском ветки, летчик почти достиг земли, но тут раскрытый парашют зацепился за длинный березовый сук, стропы натянулись и спуск прекратился.

Так Отто и провисел метрах в трех от земли около получаса, дергая за стропы парашюта в разные стороны, чтобы освободить зацепившийся купол. Время от времени он, скорее для очистки совести, звал на помощь, испытывая стойкое ощущение, что это бесполезно. Затем Отто достал нож и не спеша по одной стал резать стропы. Перерезав последнюю, он камнем рухнул на землю, но успел напрячь мышцы и сгруппироваться, так что обошлось без травм.

И вот теперь он сидел на зеленой травке, блаженно курил и наблюдал за происходящим вокруг себя. Со стороны Берлина появилась вереница машин. Впереди ехали два мотоцикла с пулеметами, закрепленными на колясках. За ними, играя солнечными бликами на стеклах, двигались три черных легковушки. Следом, поднимая клубы пыли, шли крытые брезентом грузовики в количестве двадцати единиц.

– Берлинское начальство пожаловало, – самому себе сообщил Отто, – скоро начнется разбор полетов, полетят погоны, а то и чьи-то головы. Может, мне пора вернуться в расположение эскадрильи?

И замолчал, грустно усмехнувшись: до сегодняшнего утра он вслух, находясь в одиночестве, не разговаривал. Тем временем автоколонна, петляя между воронками, въехала на территорию аэродрома. Грузовики остановились, и из них стали выпрыгивать автоматчики в полевой форме войск СС.

– А вам, живодеры, что еще здесь надо? – прошептал с нескрываемой ненавистью Отто и сплюнул.

Он, как и большинство армейских офицеров, не любил и презирал эсэсовцев, «прославившихся» своей жестокостью в «сражениях» с безоружными мирными жителями, женщинами и детьми.

Подчиняясь командам офицеров, половина солдат оцепила территорию. Некоторые держали на поводках мощных овчарок, которые своим бешеным лаем сразу нарушили тишину августовского утра. Два взвода плотным кольцом окружили сбитый ночью неизвестный самолет, вернее – головную часть его фюзеляжа. Молодой высокий гауптштурмфюрер СС с уси-

ками «а-ля фюрер» прохаживался возле него взад-вперед, гордо задрал вверх подбородок и бросая по сторонам надменные взгляды.

«Расфуфыренный индюк, – подумал Отто, – аж надулся от чувства собственной значимости. А меня рядышком в ста метрах и не заметил. А вдруг я злой вражеский диверсант или шпион с рацией? Может, встать в полный рост и помахать ему ручкой? А что – вид у меня вполне себе ничего, а сверху на дереве еще и парашют висит... Чем вы в СС думаете? Нагнали кучу солдат, а прочесать территорию до сих пор не удосужились. Вы же в Берлине не могли знать, что на самом деле здесь произошло: штаб разрушен, связи с ночи нет. В общем, идиоты». – Отто закончил свой беззвучный монолог и перевел взгляд левее.

Там, недалеко от разрушенных казарм, беседовали три офицера. Двое представляли Люфтваффе. Они четко и лаконично отвечали на вопросы майора Абвера. Невысокого роста, широкоплечий, он был на голову ниже каждого из своих собеседников. При этом казалось, что он смотрит на летчиков сверху вниз. Даже на расстоянии Отто физически ощущал излучаемые майором силу и уверенность.

Видимо ответив на все вопросы, офицеры Люфтваффе на секунду замерли по стойке «смирно», развернулись кругом и направились восвояси. Майор Абвера достал из кармана платок, постелил на невысокую каменную ограду и аккуратно присел.левой рукой он извлек из пачки сигарету, слегка покрутил ее между большим и указательным пальцами, поднес к носу. При этом лицо майора выражало нескрываемое удовлетворение, почти блаженство.

Затем он встал, потянулся всем своим мощным телом и, резко повернувшись в сторону холма, приглашающим жестом помахал Отто рукой. Отто готов был поклясться, что за все время наблюдения за ним этот коренастый майор ни разу не посмотрел в его сторону! А разглядеть неподвижно сидящего человека среди высокой травы да еще при слепящем в глаза солнце очень непросто!

– Однако я все равно собирался идти обедать, – опять вслух сказал себе Отто и, мазнув взглядом по еще дымящимся руинам столовой, добавил: – Хотя где уж теперь обедать.

После этих слов он спустился с пригорка вниз по невидимому со стороны аэродрома склону, с независимым видом прошел через оцепление и, никем не остановленный, направился к поджидавшему его майору. По мере приближения все внутри Отто начинало от негодования закипать сильнее и сильнее. Еще бы! Он ночью участвовал пусть и в скоротечном, но жестоком бою, в котором за считанные секунды потерял троих однополчан. Он столкнулся с чудовищной разрушительной силой. А здесь прибывает какой-то хлыщ из Берлина, начинает всех допрашивать, а потом наверняка еще и будет раздавать указания! Вот уж нет!

Не дойдя трех шагов, Отто остановился и, неожиданно для самого себя, засунул руки в карманы летного комбинезона, пристально глядя в глаза незнакомцу. Но тот, по крайней мере внешне, никак не прореагировал на такую вызывающе неуставную выходку.

– Майор Дамфельд, отдел Абвер-три, военная контрразведка! – представился он и улыбнулся. – А вы, как я понимаю, командир эскадрильи обер-лейтенант фон Камп?

– Так точно! – натянуто ответил Отто.

– Давайте немного пройдемся и побеседуем. Тем более что вы, похоже, слегка засиделись под своей березой! – С этими словами Дамфельд опять улыбнулся.

– Вы очень наблюдательны, господин майор, – ответил Отто и неожиданно почувствовал, что напряжение, сковывавшее его последние часы, начало постепенно уходить.

Он вынул руки из карманов и даже принял какое-то подобие строевой стойки. Безусловно, этот Дамфельд располагал к себе.

Вместе они не спеша молча пошли по единственной сохранившейся дорожке, ведущей к развалинам ангара продовольственного склада. Отто искоса наблюдал за своим визави. Тот, казалось, вообще думал о чем-то совершенно постороннем. На губах играла легкая улыбка,

взгляд блуждал по сторонам, не фокусируясь на чем-то конкретном, а мысли витали где-то далеко.

– Обер-лейтенант, – неожиданно прервал молчание Дамфельд, – не буду выпытывать у вас подробности ночного происшествия, кое-что я уже знаю, а что помните, расскажете сами потом, если захотите...

И после небольшой паузы, указав рукой в сторону зарывшегося наполовину в песок фюзеляжа бомбардировщика, добавил:

– Мне бы хотелось услышать ваше мнение опытного летчика о данном аппарате – могли ли его сделать англичане или, скажем, русские? Несколько необычная конструкция, согласитесь!

– Я подобного раньше не видел, это точно, – после непродолжительной паузы ответил Отто. – Насчет англичан не скажу, а вот американцы вполне могли бы сконструировать нечто подобное. И самое главное – и те и другие могли бы придержать такой убойный козырь в рукаве и подождать, чем закончится война на Восточном фронте. Но если бы у русских было подобное оружие, то от наших танковых армий давно остались бы одни воспоминания, а казаки полки стояли бы на берегу Рейна.

– А вы смелый человек, фон Камп, – пристально глядя в глаза, произнес Дамфельд. – Далеко не каждый даже гипотетически позволил бы себе предположить, что враг может войти на территорию рейха. Это полностью противоречит нашей военной доктрине, озвученной фюрером. И более чем смело делиться подобными мыслями с офицером контрразведки, вы не находите?

– Вы спросили мое мнение, майор Дамфельд, – сухо произнес Отто, – я привык отвечать то, что думаю.

– Ну, ну, не заводитесь, – выставив вперед ладонь, примирительным тоном сказал Дамфельд, – я понимаю, какой стресс вы испытали прошедшей ночью. Отложим на некоторое время нашу беседу. Отдохните, отоспитесь, пока есть возможность. По моим данным, все ваши старшие офицеры погибли, а комендант аэродрома, как вы, наверное, успели уже увидеть, слегка не в себе. Возможно, обер-лейтенант, именно вам придется исполнять обязанности командира до особого распоряжения. Посмотрите, какой кругом бардак! Нужно навести порядок. А мы вернемся к нашему разговору позже.

С этими словами Дамфельд круто развернулся через левое плечо и направился к поджидавшей его машине. Сняв с головы фуражку, он положил ее на переднее правое сиденье, а сам сел за руль. Заработал двигатель, и черная легковушка, оставляя за собой облако пыли, двинулась в направлении Берлина.

Отто закурил и устремил задумчивый взгляд вслед удаляющейся машине. Майор показался ему каким-то странным. Вроде и умный, и властный, цепкий взгляд, все подмечает, да и форма сидит как влитая. Словом, типичный майор контрразведки. И все же что-то в нем не так! А вот что? Этого Отто уяснить не мог. Какие-то расплывчатые мысли и образы крутились и смешивались в его голове. А понять их смысл он не мог. Вроде как вот он ответ, рядом! Но нет, не ухватить, ускользает и все тут!

Отто не спеша пошел назад. Все вокруг было по-прежнему. Светило солнце, дул легкий ветерок. Вокруг сбитого ночью бомбардировщика кольцом стояли автоматчики. И гауптштурмфюрер СС, все такой же надменный и высокомерный, прогуливался взад-вперед, периодически пристально всматриваясь в начищенные до блеска носки своих сапог. Несколько солдат тянули по полю кабель связи. По мере удаления их фигуры становились все меньше и меньше. Прибывший утром из Берлина полковник сухопутных войск о чем-то тихо, но настойчиво расспрашивал вышедшего наконец из ступора коменданта аэродрома. Слов слышно не было, но зато явственно ощущался запах шнапса.

«Отдохните, отоспитесь...» – всплыли в памяти слова майора. Силы действительно были на исходе. Отто плавно изменил направление движения и вновь, но уже в обратную сторону, пройдя через оцепление, обошел пригорок с одиноко растущей березой. Поднявшись на вершину, он улегся на бок под деревом на теплой траве и закрыл глаза, подставив спину солнечным лучам.

В голове замелькали события прошедших часов. Хлещущие из бомбардировщика оранжевые плети трассеров, огненный коллапс на земле, колонна машин из Берлина, показавшийся странным майор Абвера. Потом все расплылось и перемешалось. Обер-лейтенант Отто фон Камп заснул...

Глава 5

Погрузившись в размышления, майор Дамфельд и не заметил, как доехал до штаб-квартиры Абвера на улице Тирпицуфер. Пройдя по гулким коридорам, он открыл ключом дверь в свой кабинет и сел за стол.

Комната была тесной и напоминала скорее клетушку или небольшую кладовку. Всю мебель составляли стол с кучей каких-то бумаг и графином с водой, два стула и массивный сейф. Единственное окно выходило на набережную канала. Интерьер дополнял невысокий и крепенький кактус на подоконнике. Земля в горшке была сухой.

«Надо бы его полить», – подумал майор, но вместо графина взял в руку телефонную трубку и набрал номер центрального архива.

– Говорит майор Дамфельд, – представился он невидимому собеседнику, – мне срочно необходима вся информация на обер-лейтенанта Люфтваффе Отто фон Кампа.

Затем повесил трубку, достал из стола пепельницу и закурил. Тяжелый взгляд майора буравил дверь кабинета, лицо закаменело, лоб прорезали глубокие морщины.

Времени на размышления у него было совсем немного. Через несколько часов на разрушенный аэродром приедут старшие офицеры из генштаба, гестапо и службы безопасности. Наверняка с ними придут и конструкторы. Неизвестный самолет увезут на закрытый полигон. А там уже, если понадобится, разберут и исследуют все до мельчайшего винтика.

Впрочем, майора интересовали не винтики. И даже не мощность оборонительного вооружения, в считанные секунды «спустившего» на землю три истребителя, о котором ему рассказали офицеры на аэродроме.

Точность бомбометания – вот что представлялось самым важным! Как можно было с такой огромной высоты класть бомбы по небольшим точечным объектам? Неужели англичанам удалось создать такой бомбовый прицел? Или, если судить по отсутствию опознавательных знаков, это сделали американцы, которые, хоть и не вступили пока войну против Германии, решили испытать в боевых, так сказать, условиях какой-то экспериментальный самолет?

Если Германия овладеет такой техникой, то мировая война закончится очень быстро. «Высшая» раса реализует идею мирового господства со всеми вытекающими последствиями.

Стук в дверь прервал ход мыслей майора Дамфельда. Вошедший офицер положил перед ним на стол папку, молча развернулся кругом и удалился.

Дамфельд взял в руки личное дело обер-лейтенанта Люфтваффе Отто фон Кампа и стал бегло читать, задерживая внимание на некоторых казавшихся ему важными моментах. Постепенно морщины на его лбу стали разглаживаться, взгляд слегка смягчился. Какое-то подобие плана действий начало выстраиваться в голове. Пока еще очень многое было неясно. И многое зависело от слепого случая. Но и сама ситуация была не просто неординарной, а абсолютно уникальной. И времени на согласование тоже не было.

Майор открыл ящик своего стола и достал оттуда небольшой листок бумаги. На нем он стал карандашом чертить квадратики, треугольники и параллелепипеды, иногда вставляя между геометрическими фигурами какие-то цифры. Затем он скомкал бумажку и взял чистый лист, который вскоре заполнил аналогичными изображениями. Изрисовав подобным образом и смяв несколько листов, Дамфельд собрал все их в кучку и выбросил в стоящую под столом корзину для мусора. При этом первый бумажный комочек он незаметно засунул под ремень часов, которые носил на левой руке. Пришло время действовать!

Дамфельд с папкой в руках поднялся из-за стола, прошел три шага по кабинету и взялся за ручку двери. Затем, словно вспомнив что-то важное, вернулся к столу, взял графин с водой и подошел к окну. Струйка воды потекла в горшок с кактусом, постепенно пропитывая землю.

Предыдущий раз он поливал цветок двадцать второго июня. А следующего раза может и не быть...

Вода закончилась. Поставив пустой графин на стол, Дамфельд вышел в коридор и закрыл дверь на ключ. Спустившись в архив, он сдал папку с личным делом фон Кампа и расписался в журнале, указав рядом время и дату.

Затем вышел на улицу и сел в свою машину. Несколько раз подряд нажал ногой на педаль акселератора, тем самым сильно перенасыщая бензином топливно-воздушную смесь в карбюраторе. Машина, естественно, не завелась. Сделав еще две безрезультатные попытки запустить двигатель, Дамфельд выбрался из салона, с раздражением хлопнул дверцей, открыл капот и, уперев руки в бока, гипнотизирующим взглядом почему-то уставился на вполне исправный аккумулятор.

Впрочем, это было не так важно. Своими действиями он привлек внимание дежуривших на входе часовых. Один из солдат открыл массивную входную дверь и что-то прокричал в темный проем. Вскоре оттуда показался долговязый унтер-офицер, повертел головой влево-вправо и увидел машину с поднятым капотом. Слегка прихрамывающей походкой он приблизился к майору Дамфельду и, щелкнув каблуками, встал по стойке «смирно».

Дамфельд повернулся и с интересом стал разглядывать застывшего перед ним, словно некая статуя, унтер-офицера. Вскоре, однако, это ему наскучило.

– Послушайте, – совсем не по уставу обратился он к унтер-офицеру, – долго вы так собираетесь стоять и бездельничать? Вы ведь, как я понимаю, специалист по ремонту автомобилей?

– Никак нет, господин майор, – неожиданно сочным басом ответил долговязый, – я повар дежурной смены унтер-офицер Гюнтер Дирккнер!

– Повар, – задумчиво произнес Дамфельд, качая головой, и вдруг закричал: – Я приказываю – немедленно бегите в гараж и пришлите ко мне специалиста по автомобилям! Дирккнер! У вас одна минута, время пошло! Не успеете – завтра отправитесь на Восточный фронт!

Ошарашенный унтер-офицер подскочил на месте, развернулся и на полусогнутых ногах помчался обратно в здание. Юркнув в предусмотрительно открытую одним из часовых входную дверь, повар исчез из поля зрения. Дамфельд оперся спиной о запасное колесо и стал ждать.

Минут через пять дверь снова распахнулась. Выскочивший первым на улицу долговязый, постоянно оборачиваясь и оживленно жестикулируя, что-то объяснял шедшему за ним вразвалочку человеку среднего возраста, одетому в замасленную робу. Тот с флегматичным лицом согласно кивал своей абсолютно лысой головой и мял в руках не очень чистое полотенце. «Разговаривая» таким образом, парочка приблизилась к машине. Унтер-офицер застыл на месте, вытянул руки по швам и открыл было рот для доклада, но Дамфельд нетерпеливым движением руки остановил его и повернулся к лысому.

– Вы механик, – скорее утвердительно, чем вопросительно мягким голосом произнес он. – У меня не заводится машина, посмотрите, что там может быть. И поскорее, я очень спешу!

Механик переложил полотенце в левую руку, а правой полез под капот, что-то бормоча себе под нос. Унтер-офицер продолжал стоять по стойке «смирно», задрав подбородок и глядя в небо.

– Вы еще здесь, господин повар? – удивленно произнес Дамфельд, подойдя к долговязому вплотную.

И громко скомандовал:

– Кругом, на... – у него чуть не вырвалось «на Восточный фронт!», но вовремя сдержался, – на пост бегом марш!

Унтер-офицер ломанулся к входу в здание. Часовые, наблюдавшие за происходящим и еле сдерживавшие смех, вновь приоткрыли дверь, пропуская внутрь стремительно мчащуюся фигуру.

– Тут вам не цирк! – прикрикнул на них скорее для порядка Дамфельд. Часовые вытянулись в струнку и тупо уставились перед собой.

«Пора закругляться», – подумал Дамфельд и подошел к механику, который разогнулся над капотом и вновь принялся мять в руках свое не очень свежее полотенце.

– Все починил, господин майор, – сообщил механик, – попробуйте завести машину. Машина завелась, что называется, с пол-оборота.

– Какие были неполадки? – встав спиной к зданию рядом с механиком, спросил Дамфельд таким тоном, что сразу становилось понятно: ответа на свой вопрос он не ждет.

При этом он испачкал руку, опершись о капот. Расстроено качая головой, майор посмотрел на свою ладонь и взял у лысого механика полотенце. С брезгливым выражением на лице Дамфельд принялся тщательно вытирать руки. Затем он вернул полотенце и пошел к водительской двери.

Машинально взглянул на циферблат часов. Стрелки показывали четырнадцать часов. Два часа назад он еще разговаривал с обер-лейтенантом Отто фон Кампом, которого тогда увидел впервые в жизни и который играл теперь значительную роль в его рискованном плане. Если все пойдет нормально, то уже через час состоится их новая встреча. Надо будет «прощупать» летчика, используя полученные из личного дела данные, но очень осторожно и аккуратно.

Тем временем механик закрыл капот и отошел в сторону. Дамфельд сел на сиденье, захлопнул дверцу и на большой скорости поехал прочь. Но примерно через километр он свернул в узкий переулок, остановился и закурил.

Его рука с сигаретой слегка подрагивала, и, в общем-то, было от чего. Несколько минут назад он практически на глазах у десятков сотрудников Абвера передал вместе с грязным полотенцем комочек мятой бумаги. Это было срочное зашифрованное донесение, адресованное руководству одного из отделов советской разведки. А возвращавшийся в данный момент с флегматичным лицом в гараж лысый механик Макс являлся связником и одновременно радистом. Треугольники и параллелепипеды, изображенные на бумажке, сообщали о крайней срочности и чрезвычайной важности шифровки. Да и сама встреча агента со связником, рушившая до основания все мыслимые и немыслимые представления о конспирации, говорила о многом.

Поэтому Дамфельд не сомневался, что информация будет передана Максом при первой же возможности. Но Центру на принятие решения потребуется время. А времени-то как раз было совсем немного. И в своей шифровке майор советской разведки Андрей Глебович Седов, он же Дамфельд, сообщал, что, учитывая исключительный характер сложившейся ситуации, начинает действовать самостоятельно и без промедления.

Он решил любой ценой окончательно уничтожить сбитый немцами бомбардировщик и не сомневался в правильности принятого решения! Рано или поздно Москва получит и из других источников информацию о событиях прошедшей ночи, и его, Седова, действия наверняка будут признаны целесообразными. А нет, так нет. Он внутренне чувствовал, что делает все верно. Хотя если бы удалось завладеть бомбовым прицелом, а потом передать его в Центр, то о лучшем нельзя было и мечтать. И Москва, скорее всего, отдаст именно такой приказ...

Догоревшая сигарета обожгла указательный и средний пальцы и прервала размышления Седова. Он выбросил окурочек и нажал на педаль газа. Машина выехала из переулка, свернула направо и, набирая скорость, устремилась в сторону злополучного аэродрома.

Глава 6

А там в это время события развивались стремительно. Сразу после полудня наладили телефонную связь с Берлином. Полковник Вермахта передал полученную с помощью шнапса от коменданта аэродрома и слегка отредактированную информацию о ночном бое, потерях и разрушениях.

Ровно в тринадцать ноль-ноль на двух машинах приехали генерал Штернхофф из штаба Люфтваффе и штандартенфюрер СС Клотцер из гестапо. Их сопровождал грузовик интендантской службы, загруженный под завязку упаковками с сухим пайком. Тотчас следом прибыла рота инженерно-саперного батальона.

Один взвод прямо в поле, в пятистах метрах от изрытой воронками взлетно-посадочной полосы, принялся сноровисто устанавливать большие брезентовые палатки, которые должны были заменить оставшимся в живых и вновь прибывшим разрушенные казармы. Самую большую палатку установили в середине и обозначили штабной.

Еще два взвода выдвинулись в сторону зарывшегося в грунт фюзеляжа неопознанного бомбардировщика. Часть саперов проверяла землю миноискателями. Остальные принялись натягивать сверху над металлическим корпусом маскировочную сеть, чтобы объект не был замечен с воздуха. Когда с этим делом было покончено, в радиусе пятидесяти метров началась установка проволочных заграждений. Готовые деревянные столбы и мотки с колючей проволокой были выгружены из грузовиков, и дело пошло.

Генерал Штернхофф тем временем устроил разнос всем оказавшимся поблизости офицерам. Громовые раскаты его голоса были, наверное, слышны на побережье Северного моря. От природы тучный, он так разошелся, что его и без того красное лицо стало фиолетовым, а маленькие глазки, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Не удивительно, что мирно дремавший под березой Отто фон Камп проснулся. И именно в тот момент, когда генерал, постепенно переходивший с баса на фальцет, вдруг резко замолк, словно из него выпустили весь воздух. Только грудь под генеральским мундиром часто вздымалась и опускалась да маленькие глазки злобно вращались по сторонам. Отто протер глаза и привел в порядок обмундирование. Затем, незаметно для окружающих, спустился с холма и с решительным видом направился в сторону генерала-громовержца, заходя последнему со спины.

– Командир второй эскадрильи обер-лейтенант фон Камп! – громко и четко доложил Отто, внезапно представ перед генералом и вытянувшись в струнку.

Генерал от неожиданности дернулся всем телом и, беззвучно шевеля губами, устремил тяжелый взгляд на Отто. Затем с какой-то безнадежностью махнул рукой, словно призывая присутствующих за собой, и пошел в сторону штабной палатки. Адьютант в звании лейтенанта откинул полог, пропуская генерала внутрь, и юркнул следом.

Внутри находился почти неповрежденный и тщательно протертый письменный стол, который саперы вытащили из-под развалин штаба. Вместо стула установили березовый пень, больше напоминавший плаху, на которой рубят головы. Видимо, у генерала в голове тоже появились какие-то ассоциации. Он посмотрел сначала на пень, потом перевел взгляд на своего адъютанта.

Последний среагировал молниеносно. В руках у него откуда-то материализовался кусок плотной ткани размером приблизительно метр на метр и почему-то ярко-желтого цвета. Еще через секунду пень был полностью накрыт и исчез под желтой тряпкой. Генерал что-то одобритительно проворчал себе под нос и уселся на импровизированный стул, положив руки на стол. Совещение началось.

Провели переключку. Выяснилось, что самым старшим по воинскому званию из строевых офицеров, служивших на аэродроме и оставшихся в живых после событий прошедшей ночи, на данный момент является обер-лейтенант фон Камп. Генерал назначил его временно исполнять обязанности командира части и коменданта аэродрома одновременно. Бывший комендант был отправлен генералом под арест на гауптвахту, роль которой исполняла палатка, расположенная рядом со штабной.

Затем Штернхофф полчаса распинался о военном таланте фюрера, благодаря которому очень скоро большевики, коммунисты, а также надменные британцы будут повержены. И рейх раскинет свои крылья над всей Евразией, а чуть позднее и над всем земным шаром. Прибывший вместе с ним Клотцер наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Генерал кивнул головой и закончил свою речь требованием ко всем присутствующим строго хранить военную тайну и быть бдительными. После этого он вытер услужливо переданным адъютантом платком взмокший лоб, встал и вышел на свежий воздух.

Офицеры окружили Отто, чтобы получить распоряжения. Он на минуту задумался. Взлетно-посадочная полоса изрыта воронками, почти все здания и сооружения разрушены, самолеты уничтожены. Не заставляя же офицеров разбирать завалы вручную и закапывать ямы! Поэтому, не особо понимая, что нужно делать, Отто махнул рукой и приказал в течение часа всем привести себя в порядок.

А сам пошел в сторону уже накрытого маскировочной сеткой неизвестного летательного аппарата. Подойдя к расхаживавшему перед оцеплением эсэсовскому офицеру, Отто сообщил свое воинское звание, а также то, что он назначен генералом Штернхоффом исполнять обязанности командира части и коменданта аэродрома. И, естественно, желает осмотреть неизвестный аппарат.

Гауптштурмфюрер СС, едва разжимая губы и выдавливая каждое слово, ответил, что без личного приказа своего начальства или, на худой конец, генерала Штернхоффа никого к объекту не подпустит. А в случае сопротивления имеет приказ стрелять на поражение. При этом казалось, что он смотрит не на собеседника, а сквозь него. Словно перед ним не человек, а пустое место.

Закончив свою речь и не дожидаясь возможного вопроса или возражения, эсэовец круто развернулся и направился вдоль шеренги автоматчиков восвояси.

Отто был настолько поражен такой наглостью, что на секунду замер с отвисшей челюстью. Но вскоре пришел в себя и одним словом сообщил вслед надменному эсэовцу свое мнение о персоне последнего. На всех языках мира это слово означает полное отсутствие мозговой деятельности в голове у человека.

Гауптштурмфюрер остановился так резко, словно натолкнулся на невидимое препятствие. Молниеносно развернувшись, он с перекошенным от гнева лицом выхватил из кобуры пистолет и прицелился Отто в голову.

Но барон фон Камп был не из пугливых. Он смотрел в глаза противнику, всем своим видом выказывая презрение и отвращение. Так они стояли друг напротив друга: один – дрожащий от гнева и второй – спокойный и недвижимый, как скала. Автоматчики в оцеплении замерли в ожидании непредсказуемой развязки. Эсэовец первым не выдержал и отвел взгляд. Но парабеллум в дрожащей и немного опущенной руке был все еще направлен в сторону летчика.

Отто надоела эта мизансцена. Он засунул руки в карманы, повернулся спиной к противнику и не спеша направился сквозь цепь автоматчиков. Видимо, именно этого и ожидал эсэовец. В его глазах сверкнула молния. Он резко вытянул руку вперед и направил ствол пистолета в спину фон Кампа.

– Нарушение периметра охраняемой зоны! Стой! Стрелять буду! – скорее провизжал, чем прокричал гауптштурмфюрер, белый от напряжения палец на спусковом крючке начал сгибаться.

Раздался выстрел. Отто вздрогнул и остановился. Выпущенная с расстояния около семи метров пуля должна была войти точно между лопаток летчика.

Но в последний момент чья-то железная рука дернула кисть с пистолетом вверх. Пуля ушла в облака. Объятый безумной яростью, тщетно пытаясь вырвать руку из охвативших ее стальных тисков, эсэсовец повернул голову и наткнулся на жесткий застывший взгляд светлых глаз. На него в упор смотрело невыразительное лицо майора Дамфельда.

– Однако, гауптштурмфюрер, вы как-то странно относитесь к своим служебным обязанностям, – неожиданно мягким голосом, словно ничего и не произошло, изрек майор. – Вы только что хотели застрелить исполняющего обязанности коменданта аэродрома. Я наблюдал со стороны и буду вынужден доложить о данном инциденте вашему начальству. Не думаю, что оно будет в восторге.

Закончив свой короткий монолог, Дамфельд подошел к Отто, цепко взял того под руку и увлек за собой прочь от места недавнего инцидента.

– Господин барон, – жестким тоном негромко произнес контрразведчик, глядя прямо перед собой, – второй раз за сутки вы чудом избежали гибели. Если бы по дороге сюда у моей машины, например, спустило колесо, то сейчас вы бы не шли рядом, а лежали неподвижно на травке. А наш новый «друг», – неопределенный кивок куда-то назад, – уже докладывал бы в Берлин о ликвидации вражеского диверсанта. Кстати, его фамилия Хайнц, Гельмут Хайнц. Если вам это ничего не говорит, то сообщая: он дальний родственник Гиммлера. И по моим данным, характер у господина Хайнца скверный – он завистлив, злопамятен, психически неуравновешен. Поэтому не советую поворачиваться к нему спиной!

Тут Дамфельд замолчал, а после небольшой паузы продолжил уже более мягко:

– Я изучил ваше личное дело. Нигде не сказано, что вы упрямы и идете напролом как танк. Наоборот, отмечаются такие качества, как рассудительность, дисциплинированность, хладнокровие, четкое выполнение приказов. В общем, характеристики безупречные. Но сейчас не об этом. Я также обнаружил весьма интересное донесение годичной давности, написанное на имя командира авиационной группы одним из ваших сослуживцев. В нем сообщается, что в конце июля 1940 года, – точное число я не помню, – вы участвовали в воздушном бою с англичанами над южным побережьем Британии и сбили вражеский истребитель, пилот которого выпрыгнул с парашютом. Так вот, автор донесения пишет, что хотел уничтожить вражеского летчика, но вы по радиосвязи запретили это делать, передав, что атакуете сами. Вы сделали два захода на английского пилота, но не стреляли. В итоге англичанин благополучно приземлился, а вы впоследствии заявили, что не открывали огонь, так как заклинило оружие. В конце автор данного рапорта высказывает мысль, что не стреляли вы умышленно, и поднимает вопрос о благонадежности обер-лейтенанта фон Кампа. Что на это скажете?

– На это могу ответить одно, – посмотрев на майора, спокойно сказал Отто, – я солдат, а не расстрельная команда. Я привык побеждать противника в бою. И не собираюсь пачкать грязью свое имя, убивая беззащитных людей. – И сразу, без перехода, продолжил: – Вы тоже, майор Дамфельд, кажетесь мне немного странным. Утром приехали, походили, посмотрели, потом ненадолго уехали, теперь вернулись. Вы еще не осматривали летательный аппарат, который охраняют подчиненные, как вы выразились, нашего «друга» гауптштурмфюрера СС Хайнца. Зато уже ознакомились с личным делом простого обер-лейтенанта Люфтваффе Отто фон Кампа. А мимоходом и спасли ему жизнь. Отсюда вывод: я для вас, майора из центрального аппарата Абвера, как это ни парадоксально, важнее, чем новейший бомбардировщик противника, торчащий из земли в ста шагах позади. Что теперь вы на это скажете?

– Боюсь, дорогой мой барон, что генералом вы не станете. Для этого вы слишком независимы и чересчур прямолинейны. Отдаю должное вашей проницательности – мне действительно интересна личность обер-лейтенанта фон Кампа. Спросите почему? Позвольте ответить на данный вопрос несколько позже. Кстати, в нашу сторону направляется целая делегация во главе с генералом Штернхоффом. Они наверняка идут сюда с целью осмотра этого «новейшего бомбардировщика». Давайте прервем нашу беседу и присоединимся к ним.

Действительно, многочисленная процессия, возглавляемая генералом Штернхоффом, прошествовала мимо них. Никто не обратил внимания на прозвучавший недавно одиночный пистолетный выстрел. Глаза всех были устремлены на то, что скрывалось под маскировочной сеткой. Завидев генерала и штандартенфюрера СС, все еще бледный от бессильной ярости Хайнц приказал оцеплению расступиться, а сам вытянулся по стойке «смирно».

Офицеры окружили полукольцом корпус неизвестного самолета. Будучи наполовину погруженным в землю, он все равно выглядел грозно и величественно. Разговаривая, люди непроизвольно понижали голос.

Стали искать входной люк. По логике он должен был находиться где-то ближе к носовой части фюзеляжа. Но она оказалась почти полностью погружена в землю.

Послали за саперами. Те притащили из своего грузовика лопаты и споро принялись за работу. Через полчаса носовая часть самолета уже блестела в лучах скрывавшегося за верхушками деревьев солнца. Но, к сожалению, она оказалась сильно деформирована при ударе и люк обнаружить не удалось. Тогда военные попытались проникнуть в корпус через широкий проем разломанного фюзеляжа. Но и здесь их ждал сюрприз – внутренний объем оказался заполнен перекрученным металлом обшивки и каких-то устройств, видимо деталей бомбосбрасывателя. Было похоже, что из носовой части в хвост вел неширокий тоннель, имевший вид трубы диаметром сантиметров в семьдесят, но он был разрушен при попадании зенитного снаряда.

Генерал приказал всем отойти от объекта, а своему адъютанту отдал распоряжение сделать несколько фотоснимков. Что и было тотчас исполнено.

Затем Штернхофф и штандартенфюрер Клотцер отошли от основной группы и подзывали к себе гауптштурмфюрера Хайнца. Минут десять они втроем о чем-то тихо беседовали, изредка бросая взгляды на остальных офицеров. Потом генерал одобрительно улыбнулся, дружески похлопал Хайнца по плечу и направился в сторону своего автомобиля. Большинство офицеров последовало за генералом.

Хайнц тем временем передал Клотцеру сложенный вчетверо лист бумаги. Клотцер еще пару минут поговорил с молодым эсэсовцем и поспешил вслед за генералом. Проходя быстрым шагом мимо Отто, штандартенфюрер вроде бы вскользь, но внимательно посмотрел на него. И отчего-то взгляд этот фон Кампу сильно не понравился. А может, ему не понравился сам Клотцер. Эсэсовцев, как известно, Отто, мягко говоря, не любил.

Глухой стук отвлек его от размышлений. Он повернул голову и увидел, что в нескольких метрах от гауптштурмфюрера Хайнца стоит майор Дамфельд с толстой палкой в руках. Хайнц с издевательской усмешкой наблюдал за действиями контрразведчика. Майор несколько раз несильно с равномерными интервалами стукнул палкой по корпусу самолета и прислушался. Через минуту он повторил эту процедуру. Затем вздохнул и направился к Отто.

– Что вы там выстукивали? – спросил Отто и улыбнулся. – Неужели искали клад?

– Вынужден разочаровать вас, господин обер-лейтенант, я искал ответы на свои вопросы. Пойдемте вслед за остальными, а по дороге поговорим.

Они не спеша двинулись по примятой многими сапогами траве в сторону палаток.

– Ну и как, нашли? – задал вопрос Отто, покусывая сорванную травинку.

– Частично да, частично нет. Упреждая ваше любопытство, сообщаю, что входной люк я не нашел. Но не в этом дело. Как вы, должно быть, заметили, вся генеральская свита толпилась рядом с начальством. Все были с одной стороны этого аппарата. Я же осмотрел другую сто-

рону. Ничего особо интересного визуально не обнаружил. Но когда саперы перестали копать, то на несколько секунд стало достаточно тихо. Понимаете, я настроил свой слух на иные звуки кроме шума от лопат. Причем постарался абстрагироваться от внешних факторов и сосредоточился на тех, которые, возможно, присутствуют внутри фюзеляжа. И я услышал! Два или три негромких щелчка. Не перебивайте. Я знаю, вы скажете, что это могли хрустеть ветки под ногами генерала. Или гауптштурмфюрер Хайнц за моей спиной скрипел зубами от ненависти. Все не то. Щелчки раздавались внутри. Там кто-то или что-то есть. Эту информацию я вам сообщаю как исполняющему обязанности коменданта аэродрома, на территории которого мы сейчас находимся. Но это так, для общего развития, что ли. Другая новость касается вас лично. Я услышал, совершенно случайно естественно, как Хайнц в разговоре с Клотцером дважды назвал ваше имя. Также упоминался некий рапорт на имя штандартенфюрера. Не представляю, когда он успел написать свой доклад. Но думаю, что наш мстительный «друг» готовит какую-то пакость. Будьте начеку! И обходите гауптштурмфюрера Хайнца как можно дальше стороной.

– Барону фон Кампу не пристало бояться какого-то самовлюбленного кретина! – возмущенно начал Отто и осекся.

Ведь эти слова он говорил майору отдела Абвер-три! А в функции данного отдела входило также наблюдение за благонадежностью личного состава вооруженных сил. И хотя совсем недавно этот майор спас ему жизнь, но все же надо быть сдержаннее в высказываниях!

Дамфельд пристально посмотрел в глаза Отто и, словно читая его мысли, произнес:

– Сначала думайте, обер-лейтенант, прежде чем что-то говорить. Впрочем, будем считать, что я ничего не слышал. И не забывайте, что, пока вы здесь командир, наш «друг» Хайнц сам лично ничего плохого сделать не может. А дальше будет видно.

И Дамфельд быстрым шагом направился вперед, оставив Отто в недоумении. Личность контрразведчика становилась все более и более загадочной. Слишком он откровенен для человека своей профессии. Да и как-то уж очень лояльно себя ведет по отношению к Отто. К тому же признался, что имеет определенные виды на него...

Погруженный в размышления, Отто продолжал стоять на месте. Со стороны палаточного лагеря раздался шум автомобильных моторов. Это генерал Штернхофф и штандартенфюрер Клотцер вместе со своей свитой отбыли ночевать в Берлин.

Солнце скрылось за кронами деревьев. Скоро наступят сумерки. Отто закурил и глубоко затянулся. Едкий дым проник в легкие и вызвал приступ кашля. Выбросив сигарету в траву, Отто направился в сторону палаток. Надо было распорядиться по поводу ужина для солдат и офицеров, выставить на ночь часовых. К сохранившимся зениткам поставить артиллерийские расчеты и попробовать разыскать хотя бы один уцелевший прожектор. Да и переодеться бы не мешало. Он только сейчас заметил, что до сих пор не снял летный комбинезон. Хотя вещевой склад все равно сгорел, поэтому придется ходить пока в том, что есть.

Добравшись до штабной палатки, Отто осмотрелся и не обнаружил ни машины майора Дамфельда, ни его самого. Загадочный контрразведчик словно испарился. «Фигаро тут, Фигаро там», – не совсем к месту вспомнил отрывок из бессмертного классического произведения исполняющий обязанности коменданта аэродрома и, вздохнув, пошел исполнять эти самые обязанности.

Глава 7

Примерно в это же время Андрей Седов ехал по дороге в сторону Берлина. Навстречу, лязгая гусеницами, по направлению к аэродрому Волленберг двигалась колонна из пяти танков и нескольких грузовиков. Пришлось съехать на обочину и остановиться. Седов не смотрел на проходившие мимо танки, он думал.

Ну кто мог предположить, что обер-лейтенант фон Камп так безрассудно поперет на пистолет? Безусловная смелость, но граничащая с идиотизмом! Может, после пережитого ночного кошмара что-то сдвинулось в голове, он утратил инстинкт самосохранения и теперь его действия непредсказуемы? А если ставка на легчика, сделанная Седовым, изначально ошибочна? Слишком много этих «если» и «может». С другой стороны, обер-лейтенант является ключевой фигурой только при осуществлении так называемого «мягкого» плана. Но велика вероятность силового варианта, сопряженного не просто с расшифровкой, а с почти стопроцентной гибелью всех участников операции. Здесь подразумевается уничтожение неопознанного бомбардировщика путем подрыва мощного заряда.

Если центр пришлет группу диверсантов, то будет полегче. Если придется действовать вдвоем с Максом, то будет гораздо сложнее. Пока они достанут взрывчатку, пройдет время. А времени нет. Еще нужно все скрытно доставить на место и заминировать объект. Возможно, что в этом случае удастся хотя бы «втемную» использовать Отто, например, для отвлечения внимания охраны и ее нервного командира.

Тут Седов неожиданно рассмеялся. Его воображение нарисовало картину: майор Дамфельд, одетый по всей форме, в офицерской фуражке, обливаясь потом, тащит волоком по земле мимо обалдевшего от такой наглости гауптштурмфюрера Хайнца ящик с динамитом. И тут его осенило: при определенных условиях даже такой бредовый вариант осуществим. Например, на опломбированном ящике будет написано, что внутри находится, скажем, мало еще распространенный осциллограф. А сопровождать прибор будет какой-то высокий армейский чин или кто-то из близких к руководству рейха конструкторов. В общем, из любого положения можно найти выход. Просто нужно думать, анализировать и еще раз думать.

Сделав такой вывод, Седов немного успокоился, запустил двигатель и выехал на дорогу. Колонна техники уже скрылась за поворотом. Производимый ею шум по мере удаления становился все тише.

«Зачем нужны танки? – вдруг подумал Седов, уже въезжая в Берлин. – Неужели хотят их использовать как тягачи и просто выдернуть эту штуковину из земли? Довольно грубо, но зато может быть эффективно. Стоп! Если это произойдет, то следом приедет какая-нибудь здоровенная платформа, на которую погрузят это чудо технической мысли и тут же увезут в такое место, куда ни майор Дамфельд, ни майор Седов уже не проникнут! Надо поторопиться».

Разговаривая мысленно с самим собой, Андрей проехал поворот, ведущий к штаб-квартире Абвера. Вместо этого он какое-то время ехал прямо, затем несколько раз свернул в боковые улочки, развернулся на одной из них, через несколько минут выехал на бульвар Унтер-ден-Линден и на перекрестке свернул на Фридрихштрассе. Оставив позади одноименную станцию метро, Седов проехал еще метров триста, остановил машину возле табачного магазина и вышел на улицу, при этом громко хлопнув дверцей.

Он любил посещать этот магазин, в котором был постоянным клиентом и мог всегда купить нужную марку сигарет. Хозяин хорошо знал табачные пристрастия всегда вежливого майора Абвера. И видимо, специально хранил под прилавком несколько пачек любимых Дамфельдом сигарет.

А еще на витрине, немного подсвечиваемой лампочкой в сорок ватт, в аккуратных горшках росли кактусы: большие и маленькие, прямые и раскидистые, колючие и не очень. Их при-

чудливые формы неизменно привлекали внимание прохожих. Многие заходили внутрь, чтобы посмотреть на растения, как говорится, с другого ракурса. А чтобы не обидеть хозяина, покупали еще пачку сигарет или упаковку спичек. Майор Дамфельд не был исключением. Купив сигареты, он иногда тоже подходил к созданным изобретательной природой колючим красавцам и, слегка наклонив голову, созерцал их оригинальные силуэты.

Хозяин магазина, будучи умным человеком, никогда не вмешивался в этот кратковременный процесс своеобразного единения человека с природой. Правда, вначале его это слегка удивляло – майор был таким монументальным и основательным! Казалось, что ему противопоказаны даже небольшие человеческие слабости. Но вскоре табачник привык к своему постоянному покупателю, который брал за раз всего одну-две пачки сигарет, зато приезжал за ними часто. Это постоянство даже немного льстило хозяину магазина. Ведь, как уже упоминалось ранее, майор был очень представительным! И как бы разочаровался достойный торговец, если бы узнал, что майор Дамфельд так внимательно разглядывал не кактусы различных форм и размеров, а сквозь стеклянную витрину изучал окна квартиры, расположенной на втором этаже в доме на противоположной стороне улицы.

В этой квартире одиноко проживал убежденный холостяк средних лет. Вместе с ним обитали большой черный кот и песик породы мопс. Каждое утро хозяин выходил с собачкой на прогулку, а кот запрыгивал на подоконник и смотрел им вслед. Такая же картина повторялась и по вечерам.

Днем, когда хозяин был на работе, животные часто вместе сидели на подоконнике и с полусонным интересом наблюдали за происходящим на улице. Узнав издалека по фигуре и характерной слегка раскачивающейся походке своего кормильца, они резко преобразались. Собачка бежала к входной двери и садилась возле нее, виляя от радости закрученным в бублик хвостом. Кот же, который был старшим в этой паре, вытягивал шею и напряженно следил за хозяином, пока тот не исчезал из виду в подъезде. Тогда животное с достоинством, сквозившим в каждом движении, мягко спрыгивало на пол, грациозной походкой подходило к своему четвероногому собрату и усаживалось рядом с ним.

Поворачивался ключ в замке, открывалась дверь, и входил любимый ими хозяин. Мопс начинал весело, но негромко тявкать, преданно глядя человеку в глаза. Кот молча подходил и, подняв хвост трубой, начинал ласково тереться о ноги.

На обычно флегматичном лице одинокого холостяка появлялась мягкая улыбка. Он садился на корточки и начинал обеими руками гладить своих любимцев. Этот неизменный ритуал соблюдался изо дня в день уже несколько лет. Затем человек вставал, снимал и цеплял на вешалку, в зависимости от времени года, пиджак, плащ или пальто. Шляпу он клал на стоявшую в прихожей тумбочку, обнажая при этом совершенно лысую голову. Человек работал механиком в гараже Абвера, и звали его Макс...

* * *

Майор Дамфельд купил пачку сигарет, коробок спичек, обменялся дежурными фразами о погоде с хозяином магазина и подошел к стоявшим на витрине кактусам. Аккуратно потрогав, а скорее, погладив усеянный колючками широкий мясистый лист, он по привычке слегка наклонил голову и, казалось, погрузился в созерцание этого своеобразного растения.

В доме, расположенном на противоположной стороне Фридрихштрассе, в квартире на втором этаже в центральном окне наполовину открылась форточка. Затем в окне показался силуэт человека с котом на руках. Отчетливо была видна лысая голова, склонившаяся к уху животного. Постояв так около минуты, человек посадил кота на подоконник, а сам исчез в полумраке квартиры. Кот сначала смотрел в глубину комнаты, затем уставился в окно.

Вскоре из подъезда вышел человек в сером пиджаке и такого же цвета шляпе. На коротком поводке в правой руке он вел небольшую собачку, весело вилявшую хвостом. Перейдя улицу, человек привязал поводок к специальному поручню, торчащему из стены, что-то сказал своему четвероногому спутнику и, открыв дверь в магазин, столкнулся на пороге с выходящим оттуда майором Дамфельдом.

Обе стороны тут же рассыпались в извинениях друг перед другом. Офицер мягко прикоснулся к локтю человека в серой шляпе и, отступив на шаг, с учтивым жестом пропустил того внутрь. Опять последовали взаимные извинения, прозвучало несколько вежливых фраз, и они разошлись в разные стороны.

Дамфельд сел в машину и поехал на службу. Проезжая по пустому переулку, он остановился и закурил. Достав из кармана клочок бумаги, незаметно переданный ему Максом в табачном магазине, Андрей Седов быстро пробежал глазами написанный неровным почерком текст.

Центр дал разрешение действовать самостоятельно и по ситуации. Предполагалось, что неопознанный самолет – экспериментальный бомбардировщик американцев ХВ-29 с высокоточным бомбовым прицелом «Норден». Также сообщалось, что будущей ночью в окрестностях Берлина будет сброшена на парашютах диверсионная группа из трех человек. Указывался примерный район высадки, ориентировочное время и место встречи, а также пароли. Группа поступала под командование и в полное распоряжение майора Седова. Короткая приписка извещала о присвоении данной операции кодового наименования «Ва-Банк» и грифа чрезвычайной важности.

Майор прочитал шифровку еще раз и сжег ее. По дороге в штаб-квартиру Абвера он напряженно думал, перебирая и просчитывая в голове различные варианты. Москва действовала очень оперативно. Каким образом Максуду удалось так быстро отправить радиogramму в Центр и получить ответ, Седов не знал. Но это было не важно. Седов знал главное: Макс был надежен, а полученные от него сведения – абсолютно достоверны.

На самом деле все объяснялось очень просто. «Починив» машину майора Дамфельда, механик как раз к обеденному перерыву вернулся в гараж. Плотнo пообедав в столовой, он появился на рабочем месте и приступил к исполнению своих обязанностей. Но вскоре принялся громко чихать. Глаза покраснели, из носа потекло.

Начальник гаража, услышав в своем кабинете на втором этаже непрекращающиеся «чихи», спустился вниз и приказал источнику инфекции, как он выразился, «немедленно прекратить распространение на вверенной ему территории бактериологического оружия». «Источник» согласно кивал головой и продолжал насыщать бациллами и всякими вредными микробами атмосферу гаража, и так уже сверх меры пропитанную парами бензина и различных масел.

Обозвав чихающего Макса английским диверсантом, начальник гаража велел ему немедленно убираться домой для прохождения лечения. Что и было беспрекословно выполнено. О роли небольшой картонной коробочки с нюхательным табаком, лежавшей в кармане внезапно заболевшего механика, начальник гаража, естественно, ничего не знал.

Таким образом, когда Седов еще находился на аэродроме, Макс уже вернулся домой. Достав замаскированный в напольной швейной машине «Зингер» радиопередатчик, он по экстренному каналу связался с Москвой и отправил полученную от майора Дамфельда информацию. А через два часа по тому же каналу пришел ответ, успешно переданный адресату из рук в руки в табачном магазине.

* * *

Итак, после посещения табачного магазина майор Дамфельд поехал на службу, где написал подробный отчет о том, что увидел и узнал за минувший день на уничтоженном аэродроме. Не забыл сообщить и об инциденте, произошедшем между фон Кампом и Хайнцем и закончившемся стрельбой. Передав рапорт в секретариат, он покинул здание и отправился домой. За прошедший день он порядком устал, причем не столько физически, сколько морально. Требовался отдых.

Но наступившая ночь особого облегчения не принесла. Седов ворочался на кровати и никак не мог заснуть. Такой необходимый сон все не приходил. Вот часы пробили полночь. Седов встал с кровати, подошел к окну и отдернул шторы. Затем открыл форточку, поставил пепельницу на подоконник и закурил. Глубоко затянувшись, он посмотрел в окно на звездное небо.

Где-то там в бескрайней ночной темноте на высоте нескольких километров держал курс на Берлин советский самолет с десантниками. Если самолет долетит до цели, то людей выбросят на парашютах немного восточнее точки назначения. На отдельном парашюте сбросят взрывчатку. При удачном раскладе группа в течение получаса соберется в полном составе, замаскирует парашюты и выдвинется в нужный квадрат. Встреча с десантниками назначена на девять ноль-ноль. Естественно, учитывая определенную временную погрешность, предусмотренную на случай непредвиденных обстоятельств...

Затушив сигарету, Седов вновь лег на кровать и закрыл глаза. Сон не шел. Вместо него нахлынули какие-то скомканные и сумбурные воспоминания.

Сначала детство. Улыбающийся мальчик в парусиновой матроске и шортах стоит перед огороженным решеткой вольером. В вольере двое медвежат смешно кувыркаются, играя друг с другом. Звучит музыка. Ярко светит солнце. Пронесются быстро меняющиеся, как в калейдоскопе, картинки жизни.

Мальчик вырос и стал разведчиком. Причем достаточно случайно. Мама преподавала в институте иностранные языки. И учила его, Андрюшу. В десятом классе он, ничем особо не выделявшийся среди сверстников, неожиданно выиграл школьную олимпиаду по немецкому языку. А через два месяца на городской олимпиаде занял четвертое место. Затем поступил в политехнический институт.

Однажды после занятий к нему на улице подошел мужчина в неброском костюме и предъявил служебное удостоверение. Сначала Андрей слегка испугался. Но мужчина спокойно и доброжелательно представился, назвал ведомство, в котором он служит, и предложил Андрею через неделю прийти на собеседование. Прощаясь, мужчина убедительно попросил молодого человека никому, даже родным, не говорить об их встрече.

Всю следующую неделю Андрей размышлял, волновался и даже прогулял пару лекций. Но в назначенный день ровно минута в минуту перешагнул порог сурового государственного учреждения. На этот раз с ним беседовал другой человек, одетый в военную форму и представившийся Николаем Петровичем. Задав нескольких рутинных вопросов, военный неожиданно заговорил по-немецки. Андрей отвечал. Они поговорили об искусстве, истории, географии. Два часа пролетели незаметно.

– Вы меня не разочаровали, молодой человек, – улыбнувшись, сказал Николай Петрович, – ваш немецкий хорош. На таком диалекте разговаривают жители Саксонии. Да и кругозор у вас что надо. У меня к вам будет следующее предложение...

Рев сирен воздушной тревоги вернул майора Седова в текущую реальность. Он подскочил к окну. По небу шарили лучи прожекторов. Где-то вдалеке забухали зенитки, затем донеслись звуки взрывов. Начался очередной воздушный налет на Берлин.

Глава 8

Мощный гул авиационных двигателей легко проникал через брезентовый десантный шлем и давил на барабанные перепонки, постепенно заполняя голову. Во рту пересохло. Лейтенант Терентьев сидел с открытым ртом и, не мигая, смотрел на одну из заклепок на противоположном борту. Если выпить глоток воды, то станет легче. Но вода у каждого только в небольшой фляжке, и это неприкосновенный запас. Поэтому надо терпеть.

Он имел за плечами больше пятидесяти прыжков и считал себя достаточно опытным парашютистом. Но раньше всегда полет до зоны выброски продолжался от силы час или два. Сейчас же они летели ровно четыре часа. И сидели не внутри привычного фюзеляжа самолета, а в закрепленной под ним цельнометаллической десантной кабине. Не покидало ощущение, что эта конструкция летит сама по себе и вот-вот рухнет на землю. Но и самолет был не привычный «Дуглас», а специально переоборудованный для выполнения конкретного задания дальний бомбардировщик ДБ-3. Впрочем, судя по расчетам, скоро предстоит прыгать.

Лейтенант принялся сгибать и разгибать слегка затекшие ноги и жестом показал подчиненным делать то же самое. Красноармеец Меньшов и сержант Воронин согласно покивали головами. Судя по страдальческому выражению лиц, они испытывали примерно тот же дискомфорт, что и командир.

– Потерпите, скоро высадка! – наклонившись вперед, крикнул Терентьев и потыкал пальцем в сторону двусторчатого кормового люка.

Десантники синхронно закивали головами, а Воронин что-то прокричал в ответ, но слов Терентьев за гулом моторов не разобрал. Откинувшись назад, он проверил, хорошо ли закреплен автомат. Неделю назад им выдали недавно принятые на вооружение пистолеты-пулеметы Шпагина. Для задуманной диверсионной операции в глубоком тылу врага ППШ подходили идеально.

Изначально планировалось вооружить десантников трофейными пистолетами-пулеметами МР-38, а под прыжковый комбинезон надеть немецкую форму. Но времени на подготовку операции не было совсем. Поэтому доставить трофейное оружие и комплекты немецкого обмундирования к вылету группы на задание просто не успели.

Впрочем, шансов на благополучное возвращение домой у троих десантников было и так очень мало. Действовать предстояло в глубоком тылу врага за тысячу с лишним километров от линии фронта. Об этом упомянул в своей краткой напутственной речи полковник из штаба округа. В глаза бойцам он старался не смотреть. Но те и так все понимали и были готовы выполнить поставленную задачу любой ценой.

Лейтенант Терентьев, наверное в сотый раз, мысленно повторил полученный приказ: «После приземления выйти в назначенное время в условленный квадрат, где состоится встреча со связным. Группа поступает в его полное распоряжение и под его командование. В случае, если встреча не состоится, десантники проводят операцию самостоятельно. Задача: уничтожить головную часть неопознанного бомбардировщика...»

Дальше приводилось краткое описание цели, ее приблизительные размеры и ориентировочное местонахождение. Особо подчеркивалось, что максимальный результат будет достигнут при подрыве объекта изнутри. Откуда появилась такая информация у командования, Терентьев, естественно, не знал. Да и не стоит заглядывать так далеко – сначала надо добраться до цели. Где-то в ночном небе летели еще четыре бомбардировщика. Они должны были отвлечь внимание противника от самолета с десантниками и сбросить бомбы на аэродром Волленберг, на территории которого, по данным разведки, и находится основная цель...

Близкий разрыв снаряда резко тряхнул самолет. Воронин и Меньшов попадали с бортовых сидений на пол кабины. Подлетая к точке десантирования, самолет пошел на снижение и

был обнаружен. Плотность разрывов возрастала. Самолет тряхнуло еще сильнее. Неожиданно тональность звука моторов изменилась. Через десяток секунд почти над головой лейтенанта открылся люк, и взглядам парашютистов предстало круглое веснушчатое лицо штурмана. Он наклонился, насколько это было возможно, к уху Терентьева и прокричал:

– Правый двигатель поврежден! Прыгайте немедленно!

– Сколько до расчетной точки сброса?! – крикнул Терентьев в ответ.

– Километров двадцать!

– Ясно! Ребята, пора! – Терентьев махнул своим бойцам рукой, подошел к кормовому люку и встал немного сбоку.

Грохот разрывов зенитных снарядов вместе с воем ветра ворвались в десантную кабину. Прыгавший первым Меньшов немного замешкался возле открытого люка. Лейтенант ободряюще хлопнул его по плечу, и красноармеец рывком выбросил свое тело в бездну. Сержант Воронин выпрыгнул следом. Терентьев кивнул штурману и исчез в прорезаемой лучами прожекторов ночи. От самолета отделился еще один темный предмет. Это был тук с взрывчаткой.

А еще через пару секунд лучи трех прожекторов прочно захватили поврежденный и теряющий скорость бомбардировщик. Экипаж пытался маневрировать на одном двигателе, но выйти из-под обстрела не смог. Сразу два снаряда почти одновременно поразили самолет. ДБ-3 вздрогнул, словно уперся в невидимое препятствие, завалился на крыло и сорвался в почти вертикальный штопор.

Огненный факел пронесся метрах в трехстах от спускавшегося на парашюте Терентьева.

Лейтенанта пробил озноб – они чудом остались живы! Он посмотрел вниз. Два раскачивавшихся купола белели на фоне темной поверхности земли. Значит, парашюты раскрылись у всех. Это хорошо!

Но и немцы наверняка их заметили. Возможно, они подумают, что это парашюты летчиков сбитого бомбардировщика. И о высадке диверсантов пока не догадываются. Но пилотов все равно будут усиленно искать. А как только обнаружат обломки ДБ-3, то поймут, что экипаж погиб вместе с самолетом. Вот тогда на розыски парашютистов бросят столько людей и техники, что мама не горюй!

Терентьев даже слегка потряс головой, словно прогоняя неприятные мысли. Боковым зрением он отметил, что ребята уже приземлились, и слегка согнул ноги в коленях, сам готовясь к встрече с землей.

* * *

Исполняющий обязанности коменданта аэродрома обер-лейтенант Отто фон Камп проснулся от глухих выстрелов зенитных орудий. Спал он не раздеваясь и быстро выскочил из палатки на улицу. Вокруг в поисках укрытия метались люди. В свете рыскающих по ночному небу прожекторов он увидел несколько бомбардировщиков. От самолетов стали отделяться черные точки.

«Бомбы! Ложись!» – надрывно крикнул кто-то в его голове.

Ноги сами понесли тело к ближайшей воронке. Спрыгнув на дно, Отто поднял голову вверх. Но тут землю сотрясли мощные взрывы. На Отто посыпались комья земли. Он скрючился на дне воронки и закрыл голову руками. Крики, взрывы, гулкие выстрелы зениток, рев авиационных моторов – все смешалось на несколько минут в какой-то страшной какофонии.

И вдруг все стихло. Только лучи прожекторов продолжали настойчиво ощупывать небо. Да на земле догорали два танка, десяток грузовиков и несколько палаток. Покинув укрытие, Отто попытался навести порядок среди подчиненных. С грехом пополам это удалось. Солдаты под руководством младших офицеров принялись тушить то, что можно было еще спасти. Отдельная команда оказывала помощь раненым и собирала убитых.

Через час фон Камп сообщил в Берлин о налете на аэродром и понесенных потерях.

– В каком состоянии объект «Икс»?! – прервал доклад обер-лейтенанта властный голос на другом конце провода, представившийся майором Шагермюллером.

– Пока информации не имею, был занят организацией оказания помощи раненым! – ответил Отто.

Он хотел добавить, что медикаменты и перевязочный материал на исходе. Но его перебили.

– Приказываю немедленно осмотреть объект «Икс» на предмет наличия повреждений. Жду вашего доклада в течение часа. Утром в ваше расположение прибудет еще одна рота инженерно-саперного батальона для восстановления взлетно-посадочной полосы. Но основная задача, поставленная перед ее командиром, – это эвакуация известного вам аппарата в безопасное место. Также на ваш аэродром должна приехать какая-то представительная делегация. Откуда и в каком составе – мне неизвестно. В общем, готовьтесь. Все, до связи!

Голос майора Шагермюллера замолк. Из телефонной трубки доносилось только легкое потрескивание.

Отто аккуратно положил трубку на место и посмотрел на часы. До рассвета было еще далеко.

«В темноте без источника света я ничего не увижу! – подумал Отто и хлопнул себя ладонью по лбу. – Хотя стоп! – У меня в аварийном комплекте пилота должен быть маленький такой фонарик».

Он порылся в извлеченном из-под стола мешочке из плотной ткани и действительно извлек оттуда маленький металлический фонарик. В палатку зашел молодой лейтенант медицинской службы.

– Господин обер-лейтенант, – доложил он, – я принес документы погибших.

С этими словами он протянул Отто стопку солдатских книжек.

– Спасибо, лейтенант, вы свободны, – ответил фон Камп.

Он взял документы и положил их на стол перед собой. Среди залитых кровью и местами обгоревших серых солдатских книжек его внимание привлекло красное удостоверение члена НСДАП – Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Только члены этой партии могли поступить на службу в войска СС. Отто членом этой партии не являлся.

Он раскрыл красную книжечку. Удостоверение принадлежало гауптштурмфюреру СС Гельмуту Хайнцу. Отто несколько секунд в задумчивости смотрел на фотографию эсэсовца, затем закрыл удостоверение и вместе с остальными документами погибших положил в верхний ящик стола. Он не мог догадываться, как отразится гибель Хайнца на его собственной судьбе.

Сунув в карман фонарик, обер-лейтенант откинул полог штабной палатки и вышел на улицу. Останки грузовиков уже не горели, а только слегка дымилась. На месте сгоревших палаток солдаты инженерно-саперной роты устанавливали новые. К танку привязали трос, и он поволок в сторону все, что осталось от зенитного орудия, разбитого взрывом бомбы.

Обер-лейтенант фон Камп, подсвечивая фонариком себе под ноги, направился в сторону объекта «Икс». Охраны видно не было. Она разбежалась во время бомбардировки.

Силуэт носовой части огромного бомбардировщика был неплохо виден даже ночью. В темноте Отто показалось, что он изменил свое положение. Направив луч фонарика на металлический корпус, он убедился, что глаза его не обманули. Действительно, объект накренился и принял почти горизонтальное положение. Видимо, недалеко разорвалась бомба, и взрывная волна достигла корпуса летательного аппарата.

Обойдя вокруг, Отто в свете фонарика обнаружил, что нижняя часть обшивки сильно помята при падении. Местами листы алюминиевой обшивки отошли. Задумчиво подергав за один из таких листов, обер-лейтенант хлопнул ладонью по корпусу, развернулся и собрался идти назад на аэродром.

Неожиданно позади Отто раздался скрежет. Ober-лейтенант резко обернулся и от неожиданности выронил фонарик в траву. И было от чего!

В нижней части фюзеляжа приоткрылся люк. Всего на ширину ладони. Изнутри сочился тусклый синий свет. Что-то внутри мертвой груды металла продолжало функционировать.

Отто закрыл глаза, будто надеясь прогнать видение. «Может, я сплю и это только сон?» – подумал он и сильно ущипнул себя за правое ухо.

Но, открыв глаза, вынужден был признать, что все происходит наяву. Испытывая сильнейшее волнение, он нетвердой походкой направился к источнику света. Попытался заглянуть внутрь и... получив сильнейший удар по голове, упал навзничь на покрытую росой траву и потерял сознание...

Глава 9

Приземление было жестким. Отвлекаясь на догорающие в стороне обломки сбитого бомбардировщика, лейтенант Терентьев в темноте не смог определить расстояние до земли. Затрещали кусты, и резкий удар снизу в ноги вызвал довольно сильную боль. В глазах потемнело. Лейтенанта швырнуло куда-то в сторону. Он несколько раз кубарем перевернулся через правое плечо, чувствительно ударившись голеностопом о торчащий из земли пень.

Быстро придя в себя, Терентьев вскочил на ноги, но тут же вскрикнул и упал на землю – левую ступню пронзила острая боль.

«Неужели перелом? – в отчаянии подумал Терентьев. – Хорошо я буду выглядеть: одноногий командир-инвалид!»

Он перевернулся на бок и принялся аккуратно массировать поврежденную конечность. Минут через пять боль немного утихла.

«Наверное, все-таки обычный ушиб». – Лейтенант облегченно вздохнул.

Лежа на боку и слегка вывернув ногу, Терентьев аккуратно постучал пяткой по земле. Боли не было. Перевернувшись на спину, он согнул ногу и начал топтать ею о землю. Сначала слабо, потом сильнее. При каждом ударе словно невидимая толстая игла пронзала пятку и расходилась по всей ступне. Но постепенно игла становилась все тоньше и короче, а боль все меньше и слабее.

Лейтенант закрыл глаза и досчитал до двухсот. Потом снова перевернулся на бок и медленно, бережно подтягивая под себя травмированную ногу, встал. Плавным переместил вес своего тела на поврежденную ступню, но дискомфорта не почувствовал. Сделал один осторожный шаг, другой, а затем, слегка прихрамывая, побежал – сначала медленно, потом быстрее. Надо было собирать группу, снаряжение и выдвигаться в заданный квадрат.

На ходу Терентьев вернулся к своим мыслям, прерванным не совсем удачным приземлением.

Итак, по всей видимости, с рассветом немцы начнут энергичные поиски десантников. То, что их засекали, не подлежало сомнению. Расчеты зенитных орудий прекрасно видели снижающихся в свете прожекторов парашютистов. А когда гитлеровцы найдут тела погибших летчиков, то сразу сообразят, что к ним в тыл заброшена диверсионно-разведывательная группа!

Вообще странно, что немцы до сих пор не проявляют активности.

Хотя они ведь воюют по распорядку. Сейчас сон, потом подъем, завтрак и вперед – ловить русских диверсантов! Естественно, с перерывом на обед!

Впрочем, все это лирика. Выбежав на поляну, Терентьев присел на одно колено и быстро осмотрелся. Вдалеке вырисовывались неясные очертания человеческой фигуры, подтягивавшей в свою сторону белый купол парашюта.

«Одного нашел», – с облегчением подумал лейтенант.

И тут же покатился по земле, одновременно наводя автомат в сторону расположенного немного левее густого кустарника, в котором захрустели ветки.

– Командир, это я, Меньшов, не стреляй! – услышал он знакомый голос, с облегчением выдохнул и убрал палец с курка.

На поляну вышел Виктор Меньшов. За собой он волоком тащил тюк с взрывчаткой.

Вскоре подошел и сержант Воронин. Быстро проверили снаряжение и распределили между собой взрывчатку.

Терентьев по компасу определил направление движения и, махнув рукой, побежал вперед. Подчиненные дышали ему в спину. Пробегая через широкую противопожарную просеку, Терентьев бросил беглый взгляд в сторону начинавшего светлеть горизонта.

– Живей, ребята! Скоро рассветет и за нами начнется охота! – Лейтенант, не оглядываясь, ускорил темп.

Сзади слышалось тяжелое дыхание бойцов. Терентьев помнил, что, судя по карте, от просеки до точки встречи со связником около десяти километров. По времени они успевали. Но скоро начнутся поля, открытая местность. И скоро взойдет солнце. Тогда группа будет видна как на ладони. Надо спешить...

Маленький отряд двигался без остановки уже не один час. Большую часть времени бегом, периодически переходя на быстрый шаг, чтобы немного отдохнуть.

Лес закончился внезапно. Глазам людей, отупевшим от однообразного мелькания темных силуэтов деревьев, неожиданно предстала широкая равнина, над которой в предрассветной дымке вставало оранжевое солнце.

– Стоп! Привал десять минут, – выдохнул Терентьев и повалился на землю.

В правом боку нестерпимо кололо. Хотелось пить. Но пить нельзя. Сделаешь несколько глотков – и толком бежать уже не сможешь. Придется потерпеть. Лейтенант осмотрелся. Бойцы устало растянулись на траве. Хотелось лежать на земле, закрыв глаза, и никуда больше не нестись сломя голову!

Где-то вдалеке в лесу раздался приглушенный собачий лай.

– Командир, – настороженно приподнялся на локте Воронин, – слышишь, собаки?

– Слышу. Подъем и в путь! – Терентьев надел вещмешок, поправил ППШ и, постепенно ускоряя бег, устремился вперед, периодически проверяя по компасу правильность выбранного направления.

Группа быстро и практически бесшумно двигалась среди высокой травы, и вскоре силуэты десантников растаяли в утреннем тумане.

* * *

Тишину августовского утра разорвал неприятный дребезжащий звон. Седов резко вскочил и, не глядя, хлопнул левой рукой по надрывавшемуся на табуретке будильнику. Будильник обиженно коротко звякнул и замолчал. Стрелки показывали шесть ноль-ноль.

Седов быстро побрился и оделся. Достал из кобуры парабеллум, извлек обойму и проверил боезапас. Затем выдвинул средний ящик стола и из-под стопки газет вытащил небольшую коробку с запасными патронами, которую сунул в карман.

Подойдя к зеркалу, майор Дамфельд оправил форменный китель, ребром ладони выровнял фуражку на голове. Вглядевшись в отражение, он скорчил самому себе гримасу и вышел за порог, захлопнув за собой дверь. Спустившись по лестнице, майор вышел на улицу и сел в машину.

Закурив, он завел двигатель и не спеша поехал. В этот ранний утренний час прохожих на улице почти не было, только несколько собачников выгуливали своих питомцев. Машин тоже не наблюдалось. Широкая пустая улица почему-то вызывала ассоциацию с бескрайней гладью морских просторов. Седова охватило приятное ощущение легкости. Он прибавил газу, машина мчалась вперед.

И вдруг справа из переулка выдвинулся тупой нос грузовика! Над крытым металлическим кузовом на прямом стержне выступала круглая антенна радиопеленгатора. Антенна медленно крутилась.

Проехав мимо, Седов слегка сбавил скорость и задумался. Он совсем забыл, что существуют передвижные машины-пеленгаторы, которые могут оказаться в любой точке. А Макс явно выходил на связь по экстренному каналу. И существовала большая вероятность, что район выхода в эфир неизвестного радиопередатчика уже известен контрразведке, службе безопасности или гестапо!

«Фашисты решили, что кто-то по радиации сообщает координаты целей для бомбометания, – размышлял Седов. – Они будут искать наводчика. Еще один, ну два сеанса радиосвязи, и немцы не просто определяют квадрат, откуда Макс выходит в эфир, но очертят границы совсем небольшого района поиска. Как только передатчик заработает, его сразу накроют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.